

ЛЕЙНИ ДАЙАН
РИЧ

ЛУЧШЕ
НЕ БЫВАЕТ

Лейни Рич
Лучше не бывает

2004

Рич Л. Д.

Лучше не бывает / Л. Д. Рич — 2004

У Ванды Лейн дела идут хуже некуда! С родителями она не общается годами. Личная жизнь не складывается. Бывший муж то молит о прощении, то угрожает убийством. И что теперь остается делать? Ванда растеряна. Но преуспевающий адвокат Уолтер Бриггс, очень привлекательный мужчина, предлагает ей весьма необычный выход из положения...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лейни Дайан Рич

Лучше не бывает

Глава 1

Слушание было назначено на пятницу самой паршивой недели, какая только может выпасть на долю того, кто имеет дело с рекламой на телевидении. Вообще-то паршивым можно смело назвать любой день, когда приходится вешать клиентам на уши лапшу за их же деньги, но эти пять побили все рекорды. В лучшем случае на меня просто повышали голос, в худшем – плевали под ноги, а уж сколько раз обозвали ненасытной пиявкой – и не сосчитать.

Ну и конечно, венцом этого изнурительного и бесплодного марафона явилась именно пятница. На двух парах лучших колготок обнаружилось по жирной «стрелке». В спешке, допивая дешевое пойло под гордым названием «кофе», я вывалила гущу на любимую юбку. Мое старенькое авто категорически отказалось трогаться с места, так что пришлось ломиться к хозяйке, чтобы та, в свою очередь, подняла с постели племянника, на которого только и была надежда в таких случаях. Короче, к свидетельской будке я шагала на таком взводе, что могла бы поцапаться даже с матерью Терезой.

Между тем защитник мерзких слизняков, по вине которых три года назад взлетело на воздух агентство «Уиттл» (и чуть было не закончились мои собственные дни), даже близко не стоял с матерью Терезой. Это был сухопарый тип с таким узким лицом, что оставалось только гадать, как он умудряется втиснуть туда елеиную улыбку; один из тех, что состоят в самых престижных клубах и при этом не расстаются с карманным калькулятором, чтобы, не дай Бог, не оставить в ресторане чаевых больше минимальных пятнадцати процентов. Помнится, год назад в «Уолмарте» он устроил у передвижной стойки Армии спасения целый скандал, требуя квитанцию за пожертвованную мелочь. Про себя я давно уже окрестила его Задохликом.

– Как самочувствие, миссис Лейн? – осведомился он, не поднимая взгляда от разложенных бумаг.

– Надо бы лучше, да некуда! – отрезана я.

Одна из ламп дневного света мигала, отчего у меня сразу заломило в висках. К тому же низ живота недвусмысленно намекал, что грядет чисто женское недомогание. Но не сообщать же обо всем этом Задохлику!

– В таком случае можем начинать. – Этот тип встал и с достоинством приблизился к свидетельской будке. – Итак, миссис Лейн, назовите как можно точнее время взрыва.

– Около девяти часов утра.

Я поерзала на сиденье, умоляя живот повременить, и осторожно повела шеей, которая тоже заныла (видимо, за компанию). Освещение в зале суда было все же на редкость неудачным, как в общественном туалете, и запах висел какой-то химический, словно где-то рядом еще валялись банки из-под краски после недавнего ремонта. Мне пришло в голову, что так пахнут скамьи присяжных, крытые (трудно понять, из каких именно соображений) оранжевым пластиком. Ножки их обновить не потрудились, поэтому скамьи противно поскрипывали, стоило кому-то сменить позу. Вращающееся канцелярское кресло подо мной тоже было порядком расшатано и взвизгивало при каждом повороте влево. Возможно, понятие «комфорт во дворце правосудия» просто не приходит никому в голову на момент распределения бюджета, по крайней мере, в Хейстингсе, штат Теннесси. Или приходит, и даже выделяются нужные средства, но дальше пластика и мигающих ламп дело не идет, а разница оседает в чьих-то карманах. Думаю, любой, кто мало-мальски знаком с политиками и юристами, без колебаний поставит на второй вариант.

- А где находились вы в момент, предшествовавший взрыву?
- За своим рабочим столом.

Защитник глубокомысленно кивнул, прохаживаясь передо мной с заложенными за спину руками, как высушенная пародия на Грегори Пека в роли Атикуса Финча. Достойный фон ему составляли подзащитные, представители Хейстингской газовой компании, в одинаковых галстуках по пятьсот баксов, которые они поглаживали одинаково бессознательным и самодовольным жестом. До взрыва им не было ни малейшего дела, скорее всего мысленно они уже заказывали выпивку в любимой забегаловке. Я хорошо их знала, этих лощенных хорьков, еще по сумбурным, тягостным дням в больнице, когда держалась только на обезболивающем. Они толклись у моей койки, норовя подсунуть на подпись бумаги, в которых я отказывалась от всякого права на судебный иск в обмен на оплату больничных счетов. В конце концов, этим и кончилось. Однако в суде можно выступать еще и в качестве свидетеля, и вот как раз это мое право никто не догадался купить.

Я покосилась на Фей Уиттл, истицу, и на ее адвоката. Руки у обоих безвольно лежали на столе, были, как бы уронены на пего. Уже в одном этом читалась готовность к проигрышу. Лицо Фей под высоко взбитыми темными волосами казалось особенно бледным, щеки – впалыми, и я знала, что у нее и в мыслях нет по-настоящему бороться за свою правоту. Ее адвокат был полной противоположностью защитнику: коротенький, упитанный, вялый и поразительно похожий на жабу.

Тем временем Задохлик продолжал допрос, вопросы сыпались градом, и я заставила себя на них сосредоточиться.

- Заметили ли вы в тот момент что-то необычное?
- Заметила. Запах газа.
- И что вы предприняли?
- Довела этот факт до сведения присутствующей здесь миссис Уиттл.
- Какова была ее реакция?
- Она предложила мне оставаться на месте, а сама вышла, чтобы по телефону-автомату позвонить газовщикам.

– Разве у вас в конторе не было телефона?

– Не было. Здание было новое, не все коммуникации успели подвести, и именно поэтому газовые трубы находились в процессе прокладки.

- Что произошло дальше?

– Мне срочно понадобились кое-какие бумаги из архива. Я вошла туда и включила свет, испытал при этом чувствительный разряд статического электричества. Ну а потом... бум!

- Что значит «бум»?

Задохлик замер с раскрытым блокнотом в руках и с таким видом, словно я сморозила нечто несусветное. Мое раздражение усилилось.

– А что, по-вашему, это может значить?! Все взлетело на воздух! Волосы затрещали, рукава у платья вспыхнули, как свечки, и обожгли руки, но если честно, мне было не до этого – я пыталась понять, почему, черт возьми, моя задница зажата между стеной и шкафом так, что не выбраться!

При этом я буравила взглядом группу в дорогих галстуках, но все они смотрели мимо, в некую светлую даль за моей спиной.

– Миссис Лейн, прошу впредь не употреблять политически некорректных слов и выражений.

– Каких именно? «Стена»? «Шкаф»? – Я захлопала глазами с видом наивной дурочки в надежде, что это подействует на нервы даже такому обтекаемому типу, как Задохлик.

- Не прикидывайтесь! Вы отлично понимаете, что я имею в виду!

Подействовало. Так держать.

– Итак, вы почувствовали запах газа?

– Да, почувствовала.

– Но не покинули помещение? Это представляется мне несколько странным – в критических обстоятельствах остаться на месте и как ни в чем не бывало продолжать работу.

Я непроизвольно качнулась влево, взвизгнув креслом.

– Фей сказала, чтобы я осталась, – и я послушалась.

– Хотя в помещении пахло газом?

– Да! – ответила я сквозь до боли стиснутые зубы.

– Нет, определенно в этом есть нечто странное! – Задохлик издал хорошо отрепетированный иронический смешок и повернулся к присяжным. – Остаться в помещении, где ощущается явный запах газа... какое необычайное мужество перед лицом опасности!

– К чему это вы клоните? – осведомилась я, прищурившись.

– К чему я клоню? – повторил он, теперь уже буквально источая едкий сарказм. – Я клоню к тому, миссис Лейн, что никакого запаха газа не было и в помине.

Я обратила вопросительный взгляд к Фей, но ни она, ни ее адвокат даже не шевельнулись – снова я была предоставлена самой себе: выплыву так выплыву, если же пойду ко дну... что ж, так тому и быть.

– Иными словами, – медленно начала я, поворачиваясь к Задохлику, – иными словами, вы обвиняете меня во лжи?

– Я вас ни в чем не обвиняю, миссис Лейн, – запротестовал тот, благоразумно отступая подальше от свидетельской будки, к скамьям присяжных. – Однако согласитесь, безответственность ваших поступков внушает... мм... некоторые подозрения, и именно поэтому я...

– Что?! – Я вскочила, истошным визгом кресла заглушив предостерегающий возглас судьи, и ткнула в Задохлика пальцем: – Ах ты, дерьмо собачье!

– Миссис Лейн! – прикрикнула судья, но даже окрик самого Правосудия уже не мог помешать мне перейти наличности.

– Да, там был запах газа, но как, черт возьми, я могла знать, откуда он исходит?! Может, просачивается снизу! Или сверху! Или из соседнего офиса! В конце концов, так могло вонять от моих туфель, на которые я плеснула бензином утром, когда заправляла машину! И вообще, какого дьявола?! Я же не закурила посреди этого запаха, я всего-навсего включила свет, можешь ты это усвоить своей тупой башкой? Или хотя бы своей тощей задницей, если именно там у тебя мозги!

– Миссис Лейн!

На этот раз судья сопроводила окрик ударом молотка, но я только отмахнулась. Если бы взгляд мог испепелять, Задохлик бы уже дымился. Мне хотелось стереть его с лица земли... а между тем это был один из тех моментов жизни, о которых, помнится, отец говаривал: «Ванда, милая, не каждый бой стоит победы. Иногда гораздо лучше вовремя захлопнуть свой говорливый рот и принять поражение».

Какое там! Я перегнулась через борт свидетельской будки, снова и снова тыча в Задохлика обвиняющим перстом.

– И вот еще что, скотина ты беспринципная!..

– Миссис Лейн! – Молоток судьи застучал со скоростью отбойного.

– ...и вот еще что: если бы мне хоть на один миг пришло в голову, что, оставшись на месте, я приговариваю себя к двум месяцам на больничной койке, тоннам обезболивающих и цистернам мази от ожогов, то ты, гад ползучий, ничем не удержал бы меня за тем паршивым столом! Разве что прибил бы мою задницу гвоздями к стулу!

– Если не прекратите, я оштрафую вас за неуважение к суду!

– И ты еще будешь тыкать мне в нос безответственностью! А как насчет нее у того хрена моржового, который прокладывал газовые трубы?!

Внезапно я заметила, что глубоко сидящие глаза Задохлика удовлетворенно поблескивают. Ощутила, как пышет жаром мое лицо, как яростно вздымается грудь и какая тишина царит теперь в зале.

– Ну, что я могу на это сказать, миссис Лейн... – Задохлик воздел руки, как трагический актер в кульминационной сцене спектакля. – Я, видите ли, собирался ходатайствовать о вызове кого-то, кто может подтвердить вашу... мм... психическую уравновешенность.

Вы избавили меня от лишних хлопот. Сердечно благодарен!

Мне показалось, что я слышу рев и шипение, с которыми лава моего темперамента изверглась наружу. Рука сама собой сжалась в кулак и метнулась вперед. Задохлик как раз переглядывался с подзащитными и был, что называется, «сидячей уткой». В том смысле, что спасли его не отличные рефлексы, а мое пятничное невезение – в самый ответственный момент он взял да и отодвинулся, и вся мощь моего выпада обратилась против меня.

Раздался оглушительный треск, вырванная с корнем будка повалилась. Задохлик отскочил с девчоночьим визгом, а я впечаталась головой в пол, едва прикрытый тонким ковролином. Перед глазами засверкали искры, и где-то далеко за гулом в ушах отцовский голос укоризненно заметил: «Не умеешь ты вовремя заткнуться, Ванда! Ох, не умеешь!»

Очнувшись, я не сразу сообразила, где нахожусь. Это был определенно не зал суда. Только некоторое время спустя – по мере того как отдельные предметы проступали из однородной блеклой мглы – до моего оглушенного сознания начало доходить, что это больничная палата.

С одной стороны от меня торчал поднос на рычаге (на такие ставят еду и лекарства для лежащих больных). С другой что-то свисало – как оказалось, пустой пластиковый контейнер для внутривенных вливаний с тонким шлангом, ведущим к моей руке. Цветное пятно впереди оказалось пейзажем у двери, а белое сбоку – окном с частично опущенными жалюзи. Все по отдельности было мне знакомо, но вместе взятое не имело смысла.

Вдали послышался ритмичный поскрипывающий звук. Приблизившись, он замедлился. Дверь отворилась, вошла медсестра в розовой униформе травматологии и матерчатой обуви наподобие кроссовок, с полным пластиковым контейнером, братом-близнецом того, что тянул щупальце к моей руке. Сестра гудела себе под нос веселенький мотивчик и не замечала, что глаза у меня открыты, пока не перестала суетиться у постели. А заметив, одарила меня профессиональной улыбкой:

– Доброе утро, миссис Лейн! Приятно снова вас видеть!

На миг мне померещилось, что ее улыбка выезжает за пределы лица, и это вызвало какие-то неуловимые, но неприятные ассоциации. Круглые щеки совершенно скрыли глаза. Впрочем, это недолго занимало меня – при попытке ответить на приветствие я издала только невнятный хрип. Горло словно хорошенько продрали наждачной бумагой.

– Дорогая, вам совершенно ни к чему так напрягаться. – Медсестра потрепала меня по плечу, – отдыхайте, приходите в себя, а там, глядишь, и голос вернется.

Она наклонилась подоткнуть и повыше натянуть одеяло, отчего я ощутила себя ясельным ребенком во время тихого часа.

– Миссис Лейн... могу я называть вас просто Вандой?

Я кивнула и тут же об этом пожалела: череп отозвался резкой болью, о которой обычно говорят «пронзило, как вертелом». Внизу живота сразу отозвалось. Такая массирующая атака вызвала приступ паники, и это, должно быть, отразилось на моем лице. Широкая улыбка медсестры несколько померкла, щеки опали и стали видны глаза, в которых сквозило явное беспокойство. Меня снова потрепали по плечу.

– Ну, ну, Ванда! Прийти в себя на больничной койке – это, конечно, не сахар, но и не конец света. Даю слово, все будет в полном порядке, а мое слово чего-нибудь да значит. У

нас в семье врунишек отродясь не водилось. – Она закусила губу и неуверенно предложила: – Хотите, я позвоню кому-нибудь? Вы только скажите куда.

Я едва заметно повела головой из стороны в сторону – людей настолько родных и близких у меня не было.

Улыбка засияла снова, но была теперь заметно более натянутой – как обычно, когда выясняется, что сообщать о несчастном случае некому. В ладонь мне лег дистанционный пульт.

– Ну, так или иначе, вы на моем попечении. Зовут меня Вера. Если что-нибудь потребует, нажмите вот эту кнопку, и я прилечу, как на крыльях.

Мне уже кое-что требовалось – хоть немного увлажнить наждачную бумагу у себя в горле. Не рискнув вторично открыть рот, я повела глазами в сторону подноса, на котором еще раньше присмотрела графин с водой и стакан. Взгляд был понят правильно.

– Пить хотите?

Я бледно улыбнулась в знак согласия, надеясь, что просьба будет немедленно удовлетворена. Однако медсестра только покусала губу.

– Видите ли, дорогая моя, у вас так долго не было во рту ни маковой росинки, что... словом, не мне решать, можно ли вам пить. Пойду позову доктора Харленда. Он будет счастлив узнать, что вы уже в сознании, и, может быть, позволит дать вам немного воды.

С этим малоутешительным заявлением, поскрипывая тапочками, Вера вынесла свою широчайшую улыбку за дверь, а я сделала еще одну попытку оглядеться. Однако удерживать взгляд в фокусе оказалось такой трудной задачей, что пришлось прикрыть веки и расслабиться, чтобы перестали ныть хотя бы глазные яблоки. Конечности ощущались свинцовыми, и хотя шевелить ими я в принципе могла, это ужасно утомляло.

По местной радиотрансляции передавали что-то знакомое, но прежде чем мне удалось вспомнить, что именно, музыка стихла. Подняв веки, я уперлась взглядом в графин. Увы, телекинетических способностей за мной никогда не водилось. Вся надежда была на доктора Харленда.

Ничего не происходило, как мне показалось, очень долго, но, в конце концов, дверь все же соизволила открыться. Вслед за Верой в палату вошел мужчина в белом халате. Усевшись у постели, он тоже принялся улыбаться.

– Привет, Ванда! Я доктор Харленд, ваш лечащий врач.

К тому времени жажда стала едва выносимой. Я опять принялась делать Вере знаки глазами, однако она упорно отказывалась их замечать. Тогда я сконцентрировала внимание на докторе как на своем единственном спасителе.

– Это очень хорошо, что вы наконец, очнулись, – вещал этот аккуратный смуглый коротышка с глазами черными, как маслины.

Ему никак не могло быть более сорока лет, но эта его профессиональная улыбка заложила глубокие морщинки вокруг глаз и у рта. Я могу, если надо, сладить почти с каждым, от слабоумного до маньяка, но только не с тем, кто улыбается как заведенный. На таких у меня что-то вроде аллергии. Они могут, по-моему, свести с ума.

Из объяснений доктора Харленда я извлекла нечто неожиданное: мне следовало благодарить Бога за то, что пол в зале суда частично покрыли ковролином во время последнего косметического ремонта. Иначе мой череп раскололся бы пополам. Вообще-то я боялась, что он вот именно раскололся. Получалось, что нет. Я отделалась трещиной, общим сотрясением мозга и легкой формой комы, в которой провела пять дней. Предстояла еще одна неделя обезболивающих уколов и полного покоя, а впоследствии – блуждающие головные боли, но в целом я, безусловно, оказалась на редкость везучей. О моем из ряда вон выходящем везении доктор распространялся особенно долго и многословно, а я слегка кивала в знак согласия и думала: «Везение, как же! Много ты понимаешь!»

Судя по всему, доктор Харленд специализировался на ободряющих пожатиях руки – мою он пожал раз десять за время своей прочувствованной речи.

– Ну вот, вкратце, и все. Сейчас я предоставлю вас заботам Веры, а позже, когда вы немного отдохнете, непременно загляну. Пора нам вплотную заняться вашим выздоровлением, не так ли?!

Я постаралась как можно осторожнее кивнуть, но боль все равно прошла голову. Заметил ли это доктор, сказать трудно, во всяком случае, улыбка его не дрогнула. Когда он вышел, я закрыла глаза и сразу же об этом пожалела, ощутив волну головокружения. Подняв веки, я обнаружила у постели Веру со стаканом воды, откуда торчала соломинка.

– Доктор Харленд разрешил вас напоить. Ну-ка, откроем рот...

Я раздвинула губы, насколько сумела, то есть совсем чуть-чуть. Однако соломинку все же вставить удалось. Первые несколько глотков я сделала с жадностью и неопишуемым наслаждением, но потом вдруг ощутила рвотный спазм: желудок, пустовавший пять дней, отказывался принимать даже воду. Вера едва успела выхватить из-под кровати судно.

– Ай, какая незадача! Но пусть это не смущает вас, дорогая. Первый блин, как говорится, комом. Позже попробуем еще разок.

Я не нашла в себе сил даже на чисто условный кивок, просто уронила голову на подушку. Одно место на голове болело как сумасшедшее, – видимо, та самая трещина.

– Вам следует больше спать, дорогая, потому что сон – наилучший отдых и кратчайший путь к выздоровлению, – назидательно сказала медсестра. – Я буду забегать я проверять, все ли у вас в порядке. – Она поправила уже слегка сплюснутый контейнер с внутривенным, потрепала меня по плечу и наградила своей фирменной улыбкой, утопив глаза в щеках. – Все будет хорошо!

Тесные тапочки проскрипели к двери, а я осталась лежать, глядя в потолок. Знакомый мотив зазвучал снова, приглушенно и как бы издалека. Уснула я, пытаюсь вспомнить, где и когда его слышала.

– Со мной все в порядке, Джордж, Честное слово! Я отстранила телефонную трубку насколько смогла, безмерно благодарная Создателю за каждую из пяти тысяч миль, что отделяют Аляску от Теннесси.

– Я немедленно все бросаю и еду, чтобы за тобой присматривать!

Голос звучал не особенно внятно, заглушаемый помехами и время от времени голосами рабочих, проходивших мимо по коридору громадной бытовки, служившей им домом во время работы на буровой.

– Нет, в самом деле! Найдется же там какая-нибудь работа для буровика. Я обо всем позабочусь, а когда ты совсем оправишься, станем жить, наконец, настоящей семьей. Все будет, как ты мечтала: маленький уютный домик, камин в гостиной. Ну что, детка, договорились?

– Мы разведены, Джордж, – напомнила я, борясь с жестокой головной болью. – И перестань называть меня деткой!

– Но я тебя по-прежнему люблю, – сказал Джордж с непоколебимой уверенностью в голосе.

Я смотрела на телефон и мысленно заклинала: «Повесь трубку! Повесь трубку... и катись к такой-то матери!»

– Джордж, не нужно ничего бросать и не нужно никуда ехать. На днях меня выпишут, и я вернусь к работе. У меня просто не будет на тебя времени.

Ответом был лишь сплошной треск помех на линии. Молчание в трубку было у Джорджа недобрый знаком. Он мог сейчас бороться со слезами, а мог замышлять убийство. Ничего нельзя было сказать наверняка.

– Надеюсь, мы друг друга поняли, – снова начала я. – Мое место в Теннесси, а твое – на Аляске. Со мной все...

Меня отвлек звук отворяющейся двери. Высокий мужчина в деловом костюме адресовал мне улыбку – как пробный шар. На нем было метровыми буквами написано «адвокат», но я не позволила себе сразу впасть в отчаяние. Вдруг это всего-навсего глубоко верующий из местного библейского кружка, который решил нанести визит страждущим. Эдакий добрый самаритянин.

– Пора прощаться, Джордж. О приезде даже не думай! Я вообще жалею, что тебе сообщили.

Когда мне пришлось лежать в этой больнице по первому разу, после взрыва, мы были еще женаты. Я внесла рабочий номер Джорджа в графу «на непредвиденный случай», и, само собой, он осел в моем файле – поступок из числа тех, о которых потом многократно сожалеешь.

– Я люблю тебя, детка, и не могу бросить на произвол судьбы. Я здесь с ума сойду, не зная, как у тебя дела!

Я подавила вздох, а заодно и тошноту. Настал момент прибегнуть к тяжелой артиллерии.

– Судебный запрет все еще в силе, Джордж. Ты не имеешь права ко мне приближаться, а если попробуешь, дело кончится тюрьмой.

Я повернулась к незваному гостю (который, кстати сказать, после моих последних слов заметно скис) и взглядом спросила, какого рожна ему от меня нужно, при этом напряженно прислушиваясь к молчанию в трубке. Наконец там невнятно прозвучало что-то вроде «стервозная баба» и послышались короткие гудки. Теперь можно было с уверенностью сказать, что опасность миновала: Джордж хорошо знал, как местная полиция относится к приезжим с агрессивными наклонностями. Учитывая все еще висевшее на нем обвинение в незаконном ношении оружия, запрет приближаться к бывшей жене ставил точку на его правах в штате Теннесси.

Положив трубку, я помассировала виски кончиками пальцев.

– Я могу зайти попозже, – сказал гость.

– Какой смысл? – отмахнулась я. – Вот если бы вы ушли и не вернулись, тогда другое дело.

Улыбка у него была легкая, скользящая, не из тех приклеенных, что так раздражают. А после моего замечания в ней даже появился оттенок лукавства.

– Вот этого я вам обещать не могу. – Он протянул руку. – Вы Ванда Лейн. А меня зовут Уолтер Бриггс.

Нет, улыбался он все-таки поразительно ненавязчиво и как будто искренне, так что я не могла не улыбнуться в ответ, пожимая протянутую руку. Уолтер Бриггс был шатен и носил очки, которые его, впрочем, не портили. Рукопожатие было крепкое, но тоже ненавязчивое, не как если бы он с ходу пытался подавить авторитетом. Он казался неприметным, пока не улыбался, а улыбаясь, становился привлекательным.

– Я адвокат.

Кто бы мог подумать!

– Это я сразу поняла.

– То есть?

– В библейский кружок вы не впишетесь.

– Что, простите?

– А то! – Я скрестила руки на груди, как щит в предстояще атаке, – нельзя было подождать до выписки? Или хотя бы пока отменяют обезболивающие?

Брови Бриггса приподнялись, глаза самую малость округлились. Да, он неплохо разыгрывал из себя святую наивность, но стреляного воробья на мякине не проведешь. Поскольку пауза затягивалась, я заговорила медленно и раздельно, как бы обращаясь к умственно отсталому:

– Подписывать ничего не стану, не дождетесь.

– Ясно, – только и сказал Бриггс.

– Именно так! Бегите к своему ненаглядному Задохлику и скажите, что во второй раз я на его финты не куплюсь.

Лукавства в улыбке заметно прибавилось, и это мало-помалу начало меня доставать.

– А кто такой Задохлик?

– Адвокат этих пройдох из Хейстипгской газовой, кто же еще!

– В смысле, Джон Дуглас?

– Ну да! – нетерпеливо подтвердила я. – А с вами нам не о чем больше разговаривать! Уходите и не тратьте зря время.

– Вам не стоит беспокоиться. – Он издал смешок, который отлично гармонировал и с улыбкой, и с манерой держаться, то есть был на редкость противным. – Мое время – на что хочу, на то и трачу.

– Могу сказать то же самое о своем, – процедила я. – И у меня нет ни малейшего желания и дальше тратить его на беседу с вами.

– Понимаю и не смею больше вас задерживать, миссис Лейн. – Уолтер Бриггс достал из нагрудного кармана визитную карточку. – Вот, возьмите. Я к вашим услугам. Между прочим, хотя я действительно знаком с Джоном Дугласом, наши интересы никак не пересекаются.

На карточке стояло: «Уолтер Бриггс, судебный адвокат». Я подняла глаза, и он снова показался мне привлекательным с этой своей легко вспыхивающей улыбкой, в которой явно сквозило лукавство.

– В таком случае зачем вы здесь?

– Как вам сказать, миссис Лейн... – Он помедлил, как бы подбирая слова. – До меня дошли слухи о том, что случилось в тот день в зале суда. Я на вашей стороне и считаю, что у вас есть все основания для иска «Лейн против города». Если надумаете подавать, можете рассчитывать на мою помощь.

Я еще раз пробежалась глазами по карточке и по его лицу.

– Вы не похожи на тех, кто вербует клиентов по больницам...

– Правильно. Потому что я вовсе не из таких.

– А тогда можно узнать, чему обязана такой честью?

– А можно узнать, у вас каждое новое лицо вызывает такую антипатию?

– Нет, не каждое, – ответила я, чувствуя, как губы сами собой складываются в улыбку (мужское обаяние – сильная штука, а у Бриггса его было в избытке). – Только если это лицо адвоката.

Появилась Вера с подносом. Судя по ароматам, меня наконец перевели в другую группу питания (до этого приходилось кое-как перебиваться, запивая таблетки бульоном).

Уолтер Бриггс посторонился, давая дорогу.

– Приятного аппетита. Мне пора. – Он пошел к двери, помедлил и, уже держась за ручку, адресовал мне мимолетную улыбку. – Рад, что вам лучше.

Вера смотрела на него во все глаза. Заметив это, он улыбнулся и ей – намного приветливее. Я ощутила странную досаду.

– До свидания.

Он вышел. Вера медленно отвернулась от двери.

– Ухты! Шикарный мужик.

– Да, ничего.

– Ничего? Ну знаете, Ванда! Такого мужика надо ценить, даже когда его уже заполучила. Будь у меня такой дружок, я бы не выперла его из постели, даже если бы он потребовал туда завтрак!

– Никакой это не дружок, – брюзгливо возразила я. – Мы только что познакомились.

– Как так? – изумилась медсестра. – Да ведь он торчал тут, можно сказать, безвылазно, пока вы лежали в коме. Я все думала: надо же, какой преданный!

– Тут – это где? В больнице?

– Да прямо тут, в этой вот самой палате!

– Безвылазно? – Я прикинула вероятность того, что под этой обаятельной личиной таится маньяк, и решила, что вряд ли. – Днем и ночью?

– Ну, это я малость загнула, но вообще он заходил каждый божий день. Иногда только заглядывал – узнать, не пришли ли вы в себя, но чаще сидел у постели. Знаете, не одна я думала, что это ваш дружок! Да и что еще мы могли подумать? Уж если мужик так крутится вокруг женщины в коме, значит, они не первый месяц знакомы.

– Логично, – хмыкнула я. – Тем не менее, придется разочаровать ваш дружный коллектив.

И сунула Вере карточку. Она прочла и развела руками:

– Адвокат, чтоб его!..

– Вот именно, – буркнула я.

Взбив подушки и придвинув мне поднос, она некоторое время постояла надо мной с задумчивым видом.

– Значит, адвокат... и все равно, из постели я бы такого не выперла. Ну ладно, мне пора, а вам приятного аппетита и, кстати, с днем рождения!

– Что, простите?! – Я уронила поднятую было вилку.

– Разве нет? – Медсестра потерла лоб, как бы собираясь с мыслями, и облегченно вздохнула. – Ну, правильно, с днем рождения! Двадцать шестого октября, именно так. Или в вашем файле ошибка?

– Да нет, все верно. Значит, мне уже тридцать два. Уж как мы рады, как рады!

Вера явно приготовилась отпустить расхожую шуточку, но и последний момент прикусила язык, за что я была ей только благодарна.

– Это ничего, если я спрошу, есть ли у вас родственники?

– Есть, в Нью-Йорке.

Я ждала, что она начнет выпытывать дальше, но она только спросила:

– Может, связаться с кем-нибудь из них? Правда, вы просили не соединять, даже если снова позвонит муж...

– Бывший муж, – автоматически поправила я, тыча вилкой в кусок жареного цыпленка, который упорно отпрыгивал. – Послушайте, эту птицу догадались хотя бы прикончить? Я уж не говорю о том, чтобы приготовить.

– Но, Ванда...

– А это что за отвратительное месиво? Пюре из пакета? Не могу поверить! Миллион баксов в сутки за койку – и у вас нет средств на настоящую картошку?!

Несколько секунд Вера только хлопала глазами, потом неуверенно предложила:

– Я могла бы составить вам компанию – у меня вот-вот начнется обеденный перерыв. Поели бы вместе, поболтали...

– Это что же, из жалости? Не беспокойтесь, я привыкла к одиночеству, и оно меня нисколько не тяготит. Даже наоборот.

– Зато меня тяготит! – заявила Вера, демонстративно приняв позу «руки в боки». – Терпеть не могу жевать в одиночку. Думала, хоть разок пообедаю по-человечески, но теперь вижу, что с вами не споешься.

Я сочла за лучшее смягчиться.

– Раз так, зачерпните и мне из своего медсестринского котла. Наверняка там картошка повкуснее.

– Ладно уж, зачерпну.

Хмыкнув, Вера заскрипела своей обувью к выходу.

Значит, день рождения. Какая удача!

Я вернулась к борьбе с цыпленком, но отвлеклась на мотив, который здесь явно предпочитали всей остальной музыке (что, надо признаться, раздражало меня чем дальше, тем больше). Хуже всего, что мне никак не удавалось опознать мелодию – радио едва шептало. Что-то из классики. Пьеса для рояля с оркестром. Вот сейчас будет крещендо.

– Надеюсь, эта картошка...

– Тсс! – зашипела я, прикладывая палец к губам. Вера замерла, через плечо встревожено оглядывая коридор. Но мелодия уже затихла. Я уронила руку на одеяло. Что-то в моем лице заставило Веру пристальнее в меня всмотреться.

– Что с вами, Ванда?

– Да так, ничего особенного. – Я рассеянно следила за тем, как она устраивается со своим подносом на краю соседней постели. – Просто эта мелодия начинает сводить меня с ума.

– Какая мелодия?

– В том-то и дело, что не знаю! Может, вы мне скажете, раз ее снова и снова передают по вашей радиосети!

– У нас нет никакой радиосети, – ответила медсестра озадаченно.

Я пропустила ее ответ мимо ушей, пробуя наконец цыпленка. Он оказался не так плох, как я ожидала. Желудок истосковался по настоящей еде и ответил на первый же кусочек довольным воркованием.

Внезапно до меня дошло.

– То есть как – нет радиосети?

– А вот так! – засмеялась Вера. – Нету, и все тут. То есть поначалу, конечно, была, но ведь вы, больные, народ привередливый. Вечно кто-то жаловался, что ему не нравится репертуар. Ну и было решено отключить общую трансляцию. Кто хочет и кому можно, приносит музыку с собой.

– Но я слышу мелодию! Причем всегда одну и ту же. Она сразу стала серьезной.

– Вот что, схожу-ка я за доктором.

Я уже открыла рот для возражений, но тут музыка возобновилась, и я вскинула руку:

– Вот она! Слушайте, слушайте! Просто спятить можно, ей-богу. То звучит, то не звучит, словно кто-то крутит ручку настройки. А главное, никак не успеваешь сообразить, что это все-таки за вещь.

Приближалось крещендо. Я умолкла, напряженно прислушиваясь. Вера не сводила с меня встревоженного взгляда. Как и всегда, все затихло в самый интересный момент.

– Вот дьявольщина! Так что же это за вещь?

– Я иду за доктором, – заявила медсестра, вставая.

– Почему за доктором? Что, он лично включает музыку?

– Да ведь нет никакой музыки!

– То есть как это – нет музыки? Я же ее только что слышала... да и перед этим несчетное число раз!

– А я нет!

– Ну и что это значит?

– То, что вы слышите несуществующую музыку, вот поэтому мне придется вызвать доктора Харленда.

– Только не из дома!

– Он сегодня дежурит, прямо как по заказу. – При этом Вера шажок за шажком отступала к двери. – А вы пока доедайте.

Я отложила вилку, внезапно пресыщенная непривычно обильной едой. Кивнула. Вера вышла, а я повернулась к окну, за которым уже стемнело. Желтые пятна фонарей расплылись, когда глаза заволкло слезами. Мне было что оплакивать: в свой собственный день рождения

одна, как перст, если не считать поехавшей крыши. Можно себе представить, какое светит тридцатитрехлетие!

Через неделю меня выписали. Доктора сходились во мнении, что мне все же невероятно повезло: никаких серьезных повреждений, кома была недолгой, а уж очнувшись, я прямо-таки стремительно пошла на поправку. Голова моя уже почти не кружилась, разве что от резких движений. Меня уверяли, что окончательное выздоровление – вопрос самого ближайшего времени и что лучшее лекарство – родные стены.

– А как быть с музыкой? – прямо спросила я доктора Харленда, бесцеремонно перебив очередные разглагольствования насчет моего везения.

Мы сидели на моей заправленной койке в ожидании медсестры с инвалидным креслом, в котором только и может покинуть больницу бывший пациент, даже если он уже в состоянии побить все олимпийские рекорды. Правила, как вы сами понимаете, дело святое.

Доктор Харленд повел из стороны в сторону своей приклеенной улыбкой. Он был из тех, кто верит, что все в наших руках, было бы желание. Его неизменно приветливое настроение при таком росте и непомерной больничной нагрузке казалось мне личным оскорблением.

– С какой музыкой, Ванда?

– С той самой, о которой я талдычу вам уже неделю. С той, которую слышу только я и больше никто.

– Ах с этой! Видите ли, Ванда, мы скрупулезно обследовали ваш слуховой аппарат на предмет звона.

– При чем тут звон? В моем слуховом аппарате играет музыка, – возразила я сквозь стиснутые зубы (потому что за неделю обследований успела наслушаться про так называемый звон – общий термин, под который подпадает все на свете). – Если я слышу музыку, которой нет, для этого должна быть причина, вы не находите?

Из груди доктора Харленда вырвался тяжкий вздох. Он смотрел на меня с искренним сочувствием, он был со мной так терпелив, так добр... что хотелось двинуть ему в челюсть.

– Уши у вас в полном порядке.

– Вы хотите сказать, что я воображаю себе эту музыку? – Я впились ногтями в ворс одеяла. – Что она звучит не в ушах, а в мозгу? Ну нет, на это я не куплюсь! Музыка играет у меня в ушах по какой-то физической причине. Физической, ясно?

– Мм... – Доктор выпятил губы, не прекращая при этом улыбаться. – Пожалуй, направлю-ка я вас к доктору Аиджибоусу.

Это мне понравилось. По крайней мере хоть какой-то прогресс.

– А кто такой доктор Аиджибоус? Какое-нибудь светило отоларингологии?

– Это психиатр.

– Еще чего! Ни к какому психиатру вы меня волоком не затащите! Говорю вам, это физическое!

– А я вам говорю, что физическая причина исключена. Мы исключили ее путем всевозможных обследований. Ваши уши в порядке. Ну же, Ванда! – Он ободряюще сжал мне руку. – Мой вам добрый совет: не ходите по врачам, не тратьте деньги. Это, конечно, досадный момент, но поскольку он не слишком осложняет вам жизнь, просто смиритесь с этим, и точка. Очень возможно, что в один прекрасный и день все пройдет само собой.

– Пройдет само собой? Вот это, твою мать, здорово! Вот, значит, чему учат в престижных медицинских институтах! Когда понятия не имеешь, что же, мать твою, происходите пациентом, говори, что все пройдет само собой!

Если я думала, что грубостью можно стереть с лица доктора Харленда улыбку, я просчиталась. С тем же успехом я могла кричать ему в лицо: «Коротышка! Коротышка!» При таком ангельском терпении ему не хватало только крылышек. Я отступилась, но досада была так велика, что когда прибыла наконец Вера с растреклятым инвалидным креслом, я принялась

жаловаться на больничные порядки и жаловалась до тех пор, пока меня не вывезли на улицу и не дали наконец возможность идти на своих двоих.

Глава 2

Мою квартиру никто не назвал бы роскошной: в ней имелась всего одна спальня, одно общее помещение для гостиной, столовой и кухни и ровно столько окон, чтобы архитектора нельзя было притянуть к ответу за депрессивный эффект (о котором, надо сказать, постоянно твердили другие жильцы дома). Но это была тихая гавань, здесь я укрылась от Джорджа и, хотя могла себе позволить что-нибудь получше, здесь и осталась – возможно, потому, что я не из тех, кто живет надеждой на лучшее. Одним свойственно твердить, что за дождям и всегда еле дует солнечная погода, другие знают, что до нее еще нужно дожить.

Выздоровливала я с книжкой в руках. У меня пунктик насчет чтения, впитанный буквально с материнским молоком: маминой нормой было пять книг в неделю, она даже готовила и убиралась, не выпуская из рук книги. В дни моего детства, когда отец еще только начинал практиковать на Манхэттене, мы жили, можно сказать, в благопристойной нищете. Ни о каком расписании у него и речи не шло, он работал на износ и на дорогу тратил два часа в день, поэтому мы с мамой были по большей части предоставлены самим себе и не знали других развлечений, кроме выходов по средам в городскую библиотеку, где набирали книг на целую неделю. Мама всегда советовала мне классику вроде «Алисы в Стране чудес» и «Питера Пэна», а я, в пику ей, брала бестселлеры о детях, которым досталось так мало любви, что родителей они называли не иначе как «предки» и обязательно шли по плохой дорожке. В глазах мамы это была дешевка.

Помню вечера, когда мы сидели вдвоем в гостиной, в полной тишине, и читали, читали, читали... У каждой было свое кресло под видавшим виды торшером. Если стояло лето, в руках у мамы была «Анна Каренина» – она непременно перечитывала эту книгу раз в год и каждый раз плакала, а я не переставала задаваться вопросом: зачем читать то, что доводит до слез?..

Если верить прогнозам доктора Харленда, полное выздоровление было мне обеспечено при условии двух недель полного же покоя, но уже через пять таких дней «в родных стенах» я поняла, что с меня довольно. Протерла пыль, разморозила холодильник, расставила коллекцию музыкальных дисков в алфавитном порядке, выстроила в аптечке «по росту» пузырьки и коробочки с лекарствами из объемистого пакета, полученного при выписке. Я даже зашла так далеко, что украсила визитной карточкой Бриггса зеркало в ванной и, причесываясь по утрам, размышляла над идеей подать в суд на весь город (не потому, конечно, что пылала жаждой мести, а ради возможности хоть с кем-то общаться). Размышляла до тех пор, пока не поняла, что, подобно Вере, не отказалась бы подать Бриггсу завтрак в постель.

Это стало последней каплей в чаше терпения.

На другой день, более чем за неделю до предписанного срока, я встала пораньше, приоделась и отправилась на работу, собираясь сделать сюрприз своим коллегам – очень хотелось верить, что приятный.

Штаб-квартира «Восьмого канала» занимала северную половину небольшого торгового центра, а южную поделили между собой солярий и цветочный магазин, причем никому из них и в голову не пришло разместить у нас свою рекламу. По-моему, это говорит само за себя: грош цена каналу, если даже ближайшие соседи не желают иметь с ним дело.

Стеклянные двери приходилось толкать изо всех сил. В прежнем своем воплощении штаб-квартира была мебельным магазином. Девственно белые стены и серый пол были призваны выгодно оттенять ряды дубовых обеденных гарнитуров и рабочих уголков для пользователей, что идут в ногу со временем. Приспосабливая помещение для наших нужд, один болван решил, что достаточно втиснуть туда лабиринт кабинок в серых тонах, чтобы воцарилась теплая, дружеская атмосфера. Теперь все это напоминало насквозь изглоданный мышами засохший рисовый пудинг.

За своим столом я обнаружила Сьюзи Хоффман, на мой взгляд, самого бестолкового рекламного агента на всей нашей многострадальной планете. Из своих двадцати двух лет она тянула разве что на двенадцать: считала любого, кто обещал перезвонить, потенциальным клиентом и пускала слезу по малейшему поводу. Справедливости ради надо признать, что порой это срабатывало. К примеру, Том Шелти, владелец магазина «Охота как хобби», был так тронут ее слезливыми восторгами по поводу его макетов старинных авто, что без раздумий подписал договор.

Сьюзи рылась в ящике стола, растопырив пальцы с очень длинными искусственными ногтями. Вышло, что на время моего отсутствия мои обязанности были возложены на нее, и страшно было подумать, как это сказалось на результате. Возможно, мне вообще не стоило раскатывать губу на жалованье. А может, даже следовало настроиться на то, что я еще окажусь должна.

При виде меня Сьюзи нервно дернула рукой, и ящик с треском захлопнулся.

– Ванда! – ахнула она с таким испугом, словно я восстала из мертвых. – Ты почему так рано?

Приятный сюрприз явно не задавался. Над кабинками тут и там появились головы, напоминающая мышинный выводок, застигнутый с полочным (зная меня, коллеги никогда не упустили случая поразвлечься). Припомнив решение отныне держать себя в руках, я протиснулась мимо Сьюзи и начала перебирать стопку накопившейся корреспонденции.

– Рано, потому что превосходно себя чувствую. – Голове вдруг вздумалось закружиться, я присела на край стола и скрестила руки на груди. – Ну а теперь к делу! Выкладывай, скольких моих клиентов ты распугала.

– Ну-у... – протянула Сьюзи, кусая нижнюю губу, – «Центр внеклассной активности» решил, что нет смысла давать рекламу в разгар учебного года, и обещал связаться с нами перед началом следующего. Подрядчик из конторы «Финн» сказал, что перезвонит при первой же возможности, а «"Шевроле" Финнегана»... ну-у... их передали Труды.

– Что?! – закричала я, заставив Сьюзи подскочить. – Что значит «передали Труды»?! С чего бы это вдруг мой самый выгодный клиент переключился к ней?!

Если правда то, что дьявол может бродить по земле в человеческом облике, то он, без сомнения, воплотился в Труды Лаверли. Ей ничего не стоило наврать с три короба, чтобы заполучить выгодный контракт, и потом так ловко устроиться, что расхлебывать кашу приходилось другим. Я бросила уничтожающий взгляд на ее кабинку – само собой, там было пусто. Наверняка она издали различила хлопки моего изношенного глушителя и улизнула от греха подальше куда-нибудь в туалет (исчадия ада, как правило, еще и дьявольски сообразительны).

Растерянная мордашка Сьюзи заставила меня обуздывать досаду. Нелепо ставить человеку в вину низкий коэффициент умственного развития – это ведь не подлость и не беспринципный карьеризм, а поскольку и того и другого здесь хватало с избытком, оставалось только ждать, когда беспощадная мясорубка под названием «Восьмой канал» изжует ее и выплюнет. Другого, увы, не предвиделось.

– Ну-ну, не переживай так, – сказала я примирительно. – И не жуй больше губу, а то придется идти к пластическому хирургу. Я уж как-нибудь заполучу Финнегана обратно.

Телевидение – слишком нервная сфера деятельности, здесь из каждой мухи делают слона. Господи, как это порой раздражает! Ну запоздал клиент с возобновлением договора, подумаешь. А шум поднимается такой, словно вострубили все иерихонские трубы.

– Ох, не знаю, Ванда, не знаю, – жалобно пробормотала Сьюзи. – Блейн говорит, что Финнегану не уделялось должного внимания.

– В смысле, не уделялось мною? Ну так уделю, за чем дело стало! Скажи лучше, Блейн у себя?

Сьюзи кивнула.

– Так я сейчас сразу с ним и разберусь.

– Но он...

– Забудь. Теперь это моя забота.

Блейн Дауд, главный менеджер «Восьмого канала», был именно тем, кого невольно представляешь при первом же звуке такого имени: бесхребетным слизняком с потными руками и бледной нудной физиономией. Его вышибали буквально с каждой работы, обычно за некомпетентность, а пару раз и за то, что он не постеснялся сделать наглые приписки к статье текущих расходов. В конце концов, его папаша Эдгар, владелец «Восьмого канала», а также еще десятка подобных, разбросанных по всему восточному Теннесси, пристроил его сюда – чтобы был на глазах. Между прочим, именно Блейну мы были обязаны серым, похожим на изглоданный пудинг лабиринтом кабинок. Это была его первая, но далеко не последняя гениальная идея. Когда он вступил в должность, наш рейтинг был на втором месте, теперь оставалось только гадать, задерживается ли хоть кто-то на нашем канале, когда прыгает с одного на другой.

Я бросила ненавидящий взгляд на офис в дальнем углу зала, очень похожий на куб аквариума. Блейн висел на телефоне. Спровадив Сьюзи, я отправилась туда, а войдя, так хлопнула дверью, что она распахнулась. Блейн тотчас положил трубку – довольно разумное решение.

– Какого хрена, а, Блейн? – сказала я как можно громче и краем глаза заметила, что многие мышки по-высунули головы из своих кабинок.

– Как мило с твоей стороны заглянуть, Ванда! – Блейн поднялся из-за стола, чтобы прикрыть дверь, предложил мне сесть и уселся сам, сложив руки домиком. – У меня к тебе серьезный разговор.

– Дерьмо у тебя, а не разговор! Вот у меня к тебе разговор, это уж точно.

Я с удовольствием отметила, что Блейн, как обычно, шокирован моим лексиконом.

Самое крепкое выражение, которое когда-либо употреблял он, было «ай-яй-яй», и в его присутствии невольно тянуло подсыпать в свою речь побольше перцу.

– Вижу, Сьюзи тебе уже все сказала. – Блейн выдал на-гора слабое подобие улыбки, которое только и удается людям, за всю жизнь не испытавшим ни единой положительной эмоции.

– Да, сказала.

– В таком случае я не стану долго распространяться, Ванда. Добавить тут нечего. В кабинке у Кейт найдется пара пустых коробок, можешь ими воспользоваться. Собирай вещи – и адью!

Собирать вещи? Я не могла взять в толк, о чем речь, и только тупо тарасилась на Блейна. Его глазки забегали.

– Значит, Сьюзи тебе не сказала?!

– Почему? Сказала. Я знаю, что Финнегана передали Труды, и пришла высказать свое мнение. А вот о том, что меня увольняют, я впервые слышу. Ведь меня увольняют, это так? – Я поднялась со стула и нависла над Блейном, оперев ладони в стол и учащенно дыша, хотя недавнее происшествие в зале суда, по идее, должно было научить меня уму-разуму. Однако есть люди, которым хоть кол на голове теши – все равно ничему не научатся.

– Но, Ванда, ты отлично знаешь политику нашей фирмы! У тебя и в контракте это записано: «Сотрудник обязан зарабатывать не менее установленной квоты. Если он не справляется со своими обязанностями в течение трех недель подряд, фирма имеет право уволить его и подыскать на его место более подходящего кандидата». – Блейн схватил мячик «антистресс» и начал судорожно сжимать его левой рукой. – А ты три недели вообще не являлась на работу!

– Я была в коме, Блейн.

Я старалась говорить внятно, чтобы он понял. По фирме ходила шуточка, что Блейн не просто дурак, а страдает сложным умственным расстройством, поэтому любая речь для него – бессмысленный набор звуков. Очень возможно, что это действительно так: в ответ на мое заявление он только чаще задвигал рукой.

Я выхватила у него мячик.

– Никто не имеет права уволить человека за неявку по причине комы! Это незаконно!

– Да, но взгляни сюда! – Он ткнул пальцем в фотокопию моего контракта о приеме на работу, которая совсем не случайно оказалась на его столе. – Видишь, здесь черным по белому...

– Не трудись, – вздохнула я, внезапно осознав всю тщетность своих усилий. – Где Эдгар?

– Эдгар? – переспросил Блейн, усиленно изображая высокомерие, хотя я могла бы поспорить, что он вот-вот обмочит штаны. – Я здесь главный менеджер!

– Ох, ради Бога! Ты здесь главный объект для шуточек! – Он задохнулся и налилсь кровью, но меня уже подхватило и понесло. – Думаешь, я не знала, что ты спишь и видишь, как бы от меня избавиться? Я только надеялась, что ты все-таки не такой непроходимый кретин! Да у меня наберется не на один, а на целую дюжину судебных исков, ты, дристун вонючий!

– Немедленно прекрати! – взвизгнул Блейн. – Твоя манера выражаться совершенно недопустима! Ни одна приличная фирма не станет держать у себя сотрудника, который... который сквернословит!

– Да плевать мне на тебя, толстомордая куча дерьма! Говори сейчас же, где твой отец, а иначе узнаешь, что такое настоящее сквернословие!

– Отец отправился в круиз и вернется только в следующую пятницу! – Блейн вдруг перестал визжать, приосанился и стал поправлять галстук. – Но тебе это ничем не поможет, потому что решение принято и менять его я не намерен.

Я промолчала.

Он перестал тискать галстук, на котором осталось влажное пятно. Блейн был такой зеленый, что я испугалась, как бы он не заблевал все вокруг, меня в том числе. С полминуты мы оба переводили дух. Я вполне отдавала себе отчет в том, что мной движет не страх потерять эту работу. Необходимость день за днем надрываться, чтобы всучить людям минуты экранного времени, вгоняла меня в тоску, а делать это для такого, как Блейн, было и того хуже. Я понемногу откладывала деньги, ожидая момента, когда почувствую, что сыта всем этим по горло, чтобы позволить себе уйти с гордо поднятой головой. Но чтобы получить пинок под зад, да еще от такого мерзкого слизняка, – нет, этого удовольствия я ему не доставлю!

– Ну ладно. – Я все еще стояла, уперев ладони в стол, и теперь наклонилась ниже, чтобы этот тип не мог уклониться от поединка взглядов. – У меня есть для тебя еще пара слов. Советую хорошенько их запомнить, потому что и через двадцать лет ты будешь вскрикивать по ночам, вспоминая их.

Блейн икнул, очень громко. Ничего нет противнее мерзавца с трусливой душонкой.

– К-какие еще два слова?

– Уолтер Бриггс!

– Это кто, наш привратник?

– Нашего привратника зовут Боб, дубина ты стоеросовая! – заорала я, схватила со стола блокнот в липкой пластиковой обложке, нацарапала в нем «Уолтер Бриггс» и сунула Блейну под нос.

– Кто это?

– Мой новый адвокат. Супер-адвокат, если уж быть точной. И очень скоро ты о нем услышишь.

Еще раз с треском хлопнув дверью, я зашагала к выходу на улицу, махнув рукой на личные вещи. Можно было поклясться, что у моих бывших коллег вырвался дружный облегченный вздох.

Дома, едва заперев дверь и сбросив туфли, я побрела на кухню, немного постояла у окна, потом принялась рыться в шкафчиках в поисках непочатой бутылки шотландского виски. Это

был подарок отца к моему тридцатилетию, хотя он прекрасно знал, что алкоголь у меня не в чести.

«У всех у нас случаются дни, когда не обойтись без хорошей дозы крепкого, и мне будет приятно знать, что в такой день у тебя под рукой окажется все необходимое», – поясняла поздравительная открытка.

Мой старый добрый папочка.

Я завалилась в гостиной прямо на пол, с бутылкой в одной руке и стаканом в другой, и некоторое время просто смотрела в потолок, потом изрекла:

– Вот она, история моей жизни!

Вслух это прозвучало даже хуже, чем когда крутилось в голове, а главное – было правдой.

«Мне уже тридцать два, – думала я угрюмо. – Тридцать два, Господи Боже! Могла стать кем угодно: доктором, большим начальником, профессором колледжа – тем, кто что-то собой представляет. Наверняка в те края вела широкая ровная дорога, но я по ней не пошла, я повернула на кривую, окольную, и эта-то окольная и привела меня туда, где я сейчас нахожусь: на полу в убогой квартирке, в компании бутылки и стакана, без работы, без семьи и друзей, с несуществующей музыкой в треснувшем черепе. Самое время выступить в шоу тотальных неудачников...»

Зазвонил телефон. Он был беспроводной и потому валялся где попало, так что пришлось переждать три звонка, гадая, откуда они доносятся.

– Оставьте меня в покое! – первым делом сказала я, выхватив телефон из-под кровати.

– Ах ты, сука драная! – высказался Джордж, и это выглядело так, словно он жевал кашу.

Отец был прав: иногда без крепкого просто не обойтись.

– А, это ты, Джордж. Очень мило с твоей стороны. Я посмотрела на календарь, просто чтобы уточнить, какой сегодня день. Само собой, это был день полочки. Единственным предсказуемым поступком моего бывшего мужа была привычка по вторникам звонить мне с угрозами.

– Можешь поцеловать меня в задницу! – продолжал Джордж, перекачивая во рту кашу. – И твой долбаный адвокат может поцеловать меня в задницу, и твоя долбанная судья!

Я отхлебнула сразу побольше виски, обожгла горло и некоторое время ловила ртом воздух. Зато потом стало тепло и на все плевать.

– Мне выдали только половину долбанной зарплаты!

Голос снизился до лихорадочного горячего шепота, едва различимого за шумом бара. Без сомнения, мне предстояло выслушать целый список угроз.

– Слушай, Джордж, надо было думать головой, когда ты взялся самостоятельно защищать себя в суде.

Ему и в самом деле некого было винить: на трех заседаниях он отводил кандидатуры адвокатов, а на четвертое явился вдребезги пьяным и заявил, что сам себя отлично защитит. Между прочим, я не требовала с Джорджа никакого содержания – судья, рассерженная наглостью моего бывшего мужа, присудила мне его по собственной инициативе.

В трубке раздался кашель, такой громкий и натужный, что мне пришлось отстранить ее от уха. Помнится, доктор пригрозил Джорджу, что если он не бросит курить, то не проживет и восьми лет. Было это десять лет назад, и теперь не приходилось сомневаться, что кашель или не кашель, а мой бывший муж всех нас переживет. А как бы хотелось, чтобы он сдох прямо сейчас, даже не успев положить трубку! Я робко обратилась к Небесам с предложением: Джордж тут же отбрасывает копыта, а я даю слово впредь не жаловаться на несуществующую музыку, звучи она хоть с утра до вечера.

Небеса, конечно же, промолчали.

– Как поживаешь? – спросила я и прикрыла рот ладонью, чтобы не хихикнуть: теперь и у меня была каша во рту. – Что подельваешь?

– Узнаешь, когда приеду и сверну твою долбанную шею! Но сперва заставлю вернуть все долбанные деньги, которые ты мне задолжала!

И это говорит мужик, которому лень вытянуть из-под задницы дистанционку, если его вдруг угораздило на нее усесться! Моя безопасность покоилась на его нежелании лишней раз двинуть пальцем, и я знала это, однако сердце все равно сжалось от страха, прямо как в былые времена.

– Что-что ты сказал? Извини, я не расслышала. Не мог бы ты повторить? – Я нажала на кнопку записи.

Пресловутое выступление Джорджа в суде было, конечно, хорошим доказательством его невменяемости «под градусом», но и пьяные угрозы могли сыграть свою роль – подкрепить впечатление. Однако Джордж, инстинктивно ощутив опасность, свел разговор к потоку непристойностей, а затем просто отключился.

Я плеснула в стакан еще порцию, улеглась на прежнее место и погрузилась в мысли о правосудии вообще и Уолтере Бриггсе в частности. Отвлеклась я только один раз – чтобы спросить себя, как скоро я начну находить вкус виски упоительным.

– Итак, если я вас правильно понял, вы готовы возбудить дело. А против кого именно? – Уолтер Бриггс налил себе минералки и немного ослабил узел галстука.

Я позвонила ему утром, как только проснулась (между прочим, на полу в гостиной), и сказала, что собираюсь предпринять кое-какие шаги, а потому принимаю его помощь. К моему удивлению, он согласился встретиться, даже не уточняя, что я затеяла.

Заведение «У камелька» никак не оправдывало своего романтического названия. Здесь и в помине не было не только камина, но даже какой-нибудь завалящей свечки, разве что тлели у черного хода сигареты вышедших на перекур официанток. Иными словами, Это была дешевая забегаловка со столиками на железных ножках и такой здоровенной тумбой с десертами, что мимо нее едва удавалось протиснуться. Зато от дома сюда можно было добраться пешком, и я решила, что свежий воздух мне в это утро не повредит.

Так и вышло: шагая по улице, я оправилась настолько, что готова была покорить мир... ну или хотя бы Уолтера Бриггса.

– Я хочу подать в суд, во-первых, на город, в котором живу; во-вторых, на больницу, в которой лежала; в-третьих, на фирму, в которой работала... да, и в-четвертых, на бывшего мужа.

– А этот-то чем виноват? – удивился Бриггс.

– Тем, что все еще жив. Я подам на него в суд за то, что он до сих пор не отдал концы.

Бриггс откинулся на стуле и еще немного ослабил галстук. Я заметила, что рубашка у него липнет к телу, и вдруг подумала: здесь всегда такое пекло, что никакого камелька и не нужно.

– За то, что человек не отдал концы, не судят.

– Доктор давал ему восемь лет, а он уже прожил десять. У него это и в карточке записано. Можно подать иск за неподчинение приказу авторитетных лиц.

Уолтер Бриггс засмеялся, давая понять, что оценил шутку. Он ждал, конечно, что я присоединюсь к нему, чтобы тем самым разрядить обстановку. Когда же этого не произошло, он посерьезнел.

– Такой иск, увы, не будет принят во внимание.

– А можно хотя бы привлечь к суду доктора, который вселил в меня ложную надежду?

С минуту Уолтер Бриггс испытующе меня разглядывал, явно не зная, как отнестись к этим словам.

– Вы, конечно, шутите?

– И не думала.

Снова наступило молчание. Пока Уолтер постукивал карандашом по блокноту, где готовился делать заметки, я помахала официантке.

– Послушайте, – сказал он, наконец, придвигаясь ближе к столу, – вы наверняка чем-то расстроены, и я могу это понять, но мы здесь для серьезного разговора. Пока что он у нас не задается. Нельзя одновременно подать четыре иска.

– А что, на этот счет имеется какой-то закон? Уолтер неохотно покачал головой:

– Такого закона нет, но...

– Тогда подаем все четыре!

– Попробую объяснить вам несколько иначе. – Он вздохнул. – Неразумно ввязываться в драку сразу на четырех фронтах. Неразумно и опасно. Да и просто нелепо, если вспомнить ваше намерение обвинить бывшего мужа в том, что он не скончался в указанный срок. Он ни в коей мере не посягает на ваши неотъемлемые права тем, что не спешит на тот свет.

Я скрестила руки на груди и смерила Уолтера вызывающим взглядом. Это его не смутило, и я перешла в словесную атаку:

– Что с вами такое, а? Адвокат вы или не адвокат, в конце концов? Чем больше исков вы для меня подадите, тем больше заработаете денег. Так в чем проблема?

– Возможно, в том, что деньги – это еще не все.

– Деньги – это все, – заявила я цинично. – Первая и последняя инстанция, в особенности для адвоката.

Лицо Уолтера впервые на моей памяти заметно потемнело.

– Не поймите меня превратно, Ванда. Как и любой другой, я обращаю в наличные чеки, которые получаю от клиентов. Но иногда... – Он склонился ко мне с улыбкой, но улыбка не стерла с его лица тень раздражения. – Иногда не столько хочется заработать, сколько исправить допущенную несправедливость. Думаю, найдется еще, по крайней мере, пара адвокатов, которые со мной согласятся.

Я опешила, выслушивая эту напыщенную тираду, а когда Бриггс уселся на стуле поудобнее, с видом почти откровенного самодовольства, не выдержала. Пусть не думает, что имеет дело с глупой гусыней! Я на такие финты не покупаюсь!

– В смысле, у вас раздвоение личности? Пардон, даже растройство!

– А это как вам больше нравится. Я уже успел понять, что все ваши мысли безнадежно пропитаны уксусом.

– Ах вот как, ответный выпад! Зато ваша политкорректность не так безнадежна, как мне показалось при первой встрече.

– Приходится как-то приспосабливаться к своему окружению.

Я заметила, что Бриггс больше не раздражен, да и сама перестала злиться. На такую улыбку хотелось ответить своей, столь же искренней. Все-таки он был очень необычным, этот Уолтер Бриггс, непохожим ни на кого из адвокатов, с которыми мне приходилось сталкиваться, – да что там, непохожим вообще ни на кого из мужиков! Я была всерьез заинтригована и уже ощущала пресловутый трепет, который в моем случае вел к одним лишь неприятностям. Но, даже зная это, я не могла запретить своему взгляду потеплеть.

Подошла официантка. Вот она ничем не отличалась от других своих коллег, может, только количеством изведенного на прическу осветлителя. Волосы от этого приобрели настолько искусственный, даже какой-то неистребимый вид, что невольно думалось: упади вдруг на Хейстингс ядерная бомба, спасатели найдут только выжженную пустыню и посреди нее – платиновый скальп.

Это позволило мне отвлечься от собеседника.

– Будете что-нибудь пить?

– Буду, – твердо ответила я. – Виски и отдельно воду со льдом. Я с бодуна, понимаете?

Она понимала, и даже очень, потому что сочувственно хмыкнула.

– Я бы рада, милочка, но у нас до полудня не отпускают.

Я хмыкнула в ответ, подняла руку и постучала по часам. Официантка прищурилась на циферблат, буркнула: «Чтоб мне пропасть!» – и ушла, вихляя бедрами с таким размахом, что жуть брала.

– Какая приятная женщина, – повернулась я к Уолтеру. – Будь у них кондиционер, я бы отсюда не вылезала. Так что скажете, служитель закона?

– Об этом заведении? Вполне приемлемо.

– Нет, о моем праве на иск.

– Ах об этом...

На этот раз тишина затянулась надолго. Уолтер Бриггс смотрел на меня со спокойной непринужденностью человека, абсолютно уверенного в себе, невзирая на жару и взмокшую от пота рубашку. Под этим взглядом я чувствовала себя как школьный хулиган, который внезапно встретил достойный отпор.

– Что ж, – сказал он наконец, – я готов подать от вашего имени иск. Один... в крайнем случае два.

– Отлично! С чего начнем?

– Ничто нам не мешает возбудить, дело против «Восьмого канала» за незаконное увольнение, однако выигрыш не окупит затраченных денег, времени, а главное, нервов – насколько я понял, канал влачит довольно жалкое существование.

Официантка принесла заказ. Я схватила стакан, не сводя при этом взгляда с Уолтера. Убедившись, что я по-прежнему вся внимание, он продолжил:

– По-моему, следует поставить на иск «Лейн против города». Основание: некомпетентность муниципальной компании по газоснабжению. Придется хорошенько поработать, но я почти уверен, что дело замнут, чтобы избежать газетной шумихи.

Уолтер начал строчить в блокноте – между прочим, левой рукой. Мне почему-то всегда казалось, что левша как-то надежнее, что левше можно довериться с большим основанием, чем тому, кто держит ручку в правой руке (как, например, я сама).

– Вы упомянули также Хейстингскую городскую больницу. Что вы против них имеете?

– Там я начала слышать музыку.

Уолтер чисто автоматически кивнул – так кивают, когда не имеют представления, о чем идет речь.

– Музыка, которой нет. Как следствие черепно-мозговой травмы.

Я вытянула шею, напрягла слух и некоторое время пыталась различить мелодию за шумом ресторана. Вид у Уолтера при этом был такой, словно и он прислушивается за компанию.

– Пока тихо, – объявила я, расслабляясь. – Но это ничего не значит. Она то появляется, то исчезает.

– Понятно. – Он тоже сел посвободнее.

– Я в здравом уме.

– А я ничего и не говорю.

– Но думаете!

– Откуда вам знать, что я думаю?

– Ох, ради Бога! На вашем месте я бы сразу подумала: «Да эта дамочка не в своем уме!»

– В таком случае останемся каждый на своем месте. Однако силен он затыкать фонтаны красноречия!

Ладно, проехали. Теперь немного светской беседы, чтобы растопить лед.

– Откуда вы родом? Не местный, верно?

– Верно.

Уолтер явно наслаждался тем, что раздражает меня на каждом шагу.

- Ну?
- Что «ну»? – спросил он с простодушной улыбкой.
- Очевидно, вы с Юга.
- Почему вы так решили? – Улыбка стала еще простодушнее.
- Потому что такие несносные люди водятся только там!
- Смею предположить, не только.
- Ну, может, еще в Чаппакуа, штат Нью-Йорк. Я как раз оттуда.
- А я из Ньютона, штат Массачусетс.

Я сделала хороший глоток, посчитав, что заслужила награду. Уолтер еще немного поулыбался, потом, видимо, решив вернуться «к нашим баранам», стал серьезен.

– Итак, вы слышите музыку. Насколько я понимаю, это произошло из-за некомпетентности медицинского персонала? Вас плохо лечили?

Вкус виски по-прежнему не вызывал у меня большого удовольствия, но эффект от выпивки был именно такой, какой и требовался, и с каждым новым глотком я все охотнее ставила эффект выше вкуса.

– Вовсе нет, лечили меня по всем правилам, но насчет музыки не слишком утруждались. Проверили слух, поставили диагноз «от противного», то есть что это не шум в ушах, выписали счет и побыстрее выперли за дверь в инвалидном кресле. Разве это не повод для иска?

– Хм...

Уолтер задумался, постукивая по столу тупым концом карандаша. Пока он думал, я его незаметно разглядывала. У него тоже были морщинки в уголках глаз, но легкие, как это свойственно людям со здоровым чувством юмора, которые, однако, не носят улыбку, словно деловой костюм. Это открытие опять-таки повергло меня в трепет, а трепет принес с собой острое чувство уязвимости. Я жестоко подавила желание залечь в окопчик, пинками выгнала себя на передовые позиции и приготовилась перейти в яростное наступление. Признаюсь, это моя естественная реакция на влечение к мужчине.

– На мой взгляд, это не повод для иска. Ну, сейчас он у меня попляшет.

– Какую игру вы ведете, Уолтер Бриггс? – осведомилась я едко.

– В каком смысле, Ванда Лейн?

Беглый солнечный луч его улыбки. Трепет во всем моем теле. В атаку!!!

– А вот в каком. Медсестра проболталась, что пока я лежала в коме, вы то и дело навещали в мою палату. Даже сидели у моей койки! Весь персонал восхищался тем, какой у меня преданный приятель. – Это несколько поубавило Уолтеру спеси, но мне так и не удалось заставить его отвести взгляд. – Хотелось бы знать, чего ради человек, совершенно мне незнакомый, пять дней подряд играет в доброго самаритянина.

– Я уже говорил, до меня дошли слухи о том, что случилось тогда в суде, – ответил он, пожимая плечами. – У вас есть основания для иска.

– Лейн против города?

– Ну да.

– И вы пять дней толклись у меня в палате именно поэтому? Чтобы оставить свою визитку?

– Правильно.

– Вот как? – Я скрестила руки на груди и постаралась выразить взглядом все свое недоверие. – Даже безработный адвокат, который вербует клиентов по больницам, не зашел бы так далеко.

– Даже будь я без работы и отчаянно нуждайся в ней, я не стал бы вербовать клиентов, бегая по больницам.

– Вот именно, так в чем же дело? Ответом было внушительное молчание.

– Может, для вас нормально неделями не отходить от постели травмированного? – не унималась я.

Что-то блеснуло в глазах Уолтера, но сразу исчезло.

– Ну уж конечно, не ради вербовки.

– Тогда ради чего?

– Да ради того! – Он вздохнул, поняв, что я не намерена отступить. – В тот день я был в зале суда и стал свидетелем того, что с вами случилось. Недавно там был ремонт, в буквальном смысле косметический: сэкономили на чем только могли. По правилам под ковровин кладется основа, что-то вроде подкладки, – для надежности и чтобы он лучше пружинил. На подкладке сэкономили тоже. Будь она положена, у вас все обошлось бы без трещины, а может, и без сотрясения мозга. У меня есть еще клиент с травмой, на тот момент он тоже лежал в травматологии. Заглядывать заодно и к вам не было для меня проблемой.

Наши взгляды оставались прикованными друг к другу, и хотя самообладание Уолтера Бриггса было потрясающим, я угадывала, что он если и не откровенно лжет, то говорит не всю правду. Однако поскольку главная цель – заставить его разговориться – была достигнута, я решила отступить на заранее подготовленные позиции. Высмотрев официантку, знаком показала ей: «Повторить в двух экземплярах».

– Я не употребляю алкоголь днем, – заметил Уолтер, но это был не протест, а простая констатация факта.

– А придется! – злорадно отпарировала я. – Только на таком условии из нас с вами сложится хорошая команда.

Я потеряла девственность в шестнадцать лет, с парнем по прозвищу Скорострел, на заднем сиденье его пикапа, на стоянке за начальной школой, где-то около половины одиннадцатого вечера. В то время мы подрабатывали в бакалейном магазине: я кассиршей, а он грузчиком. Когда смена закончилась, Скорострел предложил мне прокатиться. Я была влюблена и мечтала его заполучить, а он мечтал завалить любую бабу, только чтобы поскорее и без проблем. В итоге не успела я толком натянуть джинсы, как он уже завел мотор и рванул к себе домой. Примерно на полдороге я проглотила наконец гордость и робко напомнила, что я все еще с ним в машине. Несколько минут он вообще не мог понять, что за претензии. Когда я объяснила, что моя машина осталась у магазина, он неохотно сменил курс. Затормозив ровно настолько, чтобы я смогла выпрыгнуть, он с ревом укатил прочь и с тех пор вообще меня не замечал.

Такова незатейливая история моей первой «взрослой» любви. Семь лет спустя Скорострел вдруг вынырнул из небытия – позвонил с извинениями. Это был для него один из «двенадцати добрых поступков на пути к самосовершенствованию».

К чему я веду? А вот к чему. Я не ударю в грязь лицом в словесной перепалке. Я никому не уступлю в кругу танцующих. А вот в жизненно важные моменты на меня, увы, нападает эдакая тупость мозга. Именно поэтому, распрощавшись с Уолтером Бриггсом и поднявшись к себе, я тут же снова побежала на улицу – остановить его и объяснить, что на самом деле я вообще ни на кого не собираюсь подавать в суд.

Ничего не вышло: когда я оказалась снаружи, он уже поворачивал с моей Кармелла-стрит на соседнюю Пайн-драйв. Я затащила себя назад в квартиру и набрала номер его телефона.

– Уолтер Бриггс слушает.

– Мм... Уолтер, это я. Слушайте, мне страшно жаль, что я отняла у вас время, но... давайте забудем об этих исках, ладно? Просто махнем на них рукой. Будем считать, что на меня нашло временное затмение: слишком много выпивки, слишком мало сна и все такое прочее. И спасибо, что подбросили!

Из горла рванулось идиотское хихиканье. Я сильнее наступила правой ногой на пальцы левой, чтобы прекратить дурацкое выступление. Что за идиотка! Срам, да и только. Я позорно катилась с того верха, который одержала над Уолтером, все дальше и дальше вниз.

– Ничего не понял, Ванда! – Голос с трудом пробился сквозь шум помех. – Я уже в тоннеле, здесь очень плохой сигнал. Сейчас, только развернусь и приеду.

Тишина.

Я положила телефон на столик и попятилась от него, как от гремучей змеи, готовой ужалить в любой момент. Уж не знаю, откуда и почему, но я совершенно точно знала, что потащу Уолтера Бриггса в постель, как только он переступит порог. Это был тот самый жизненно важный момент, момент глобального решения, последствия которого мне просто не дано было предвидеть, и оставалось лишь гадать, буду я их просто стыдиться, как со Скорострелом, или мучительно расхлебывать, как с Джорджем.

Что же делать? Что же делать?

Я бросилась в ванную – почистить зубы. По крайней мере в моих силах было обеспечить себе свежее дыхание.

Уолтер не успел еще убрать палец с кнопки звонка, как я распахнула дверь на всю ширь. Он вошел и бесшумно прикрыл дверь за собой. Я одарила его улыбкой. Он улыбнулся в ответ, но как-то криво, словно одна половина рта не успевала за другой. В его взгляде мне почудилось настороженное любопытство. Винить его за это было трудно: я непредсказуема даже по своим собственным меркам.

Пауза затягивалась. Уолтер ждал объяснений, а я решительно не знала, с чего начать. В конце концов заговорить пришлось ему:

– Вы же мне позвонили, правильно?

– Ага! – подтвердила я, прислушиваясь к нехотимому начавшемуся головокружению.

Пошатнувшись, я ухватила за плечо Уолтера – крепкое, очень приятное на ощупь и, к моему великому удивлению, не каменно напряженное. Надо же, а мне-то казалось, что деловой костюм приводит в боевую готовность. Я отдернула руку, словно обжегшись. Нет, в самом деле, руку жгло, как от настоящего ожога.

– Что с вами? – встревожено осведомился Уолтер.

Ох, знать бы это мне самой! Я чувствовала себя абсолютно сбитой с толку. И между прочим, жутко на взводе. Если он еще раз улыбнется, я расплачусь, просто растекусь в лужу у его ног, как снеговик по весне. Эдакая позорная сдача без боя.

Уолтер осторожно взял меня за плечи и подвел к дивану.

– Сейчас!

Я молчала. Голос мне не повиновался, но внутренний вопил: «Дура, дура, дура набитая!»

Вернувшись со стаканом воды, Уолтер присел рядом на корточки, протянул стакан мне, а потом поставил его, пустой, на журнальный столик.

– Ну как, получше? – спросил он с улыбкой, беря мою руку в свои.

Я могла в этот момент думать только о том, что он уйдет, а я снова останусь одна в четырех «родных стенах», если только немедленно не выдумаю предлога удержать его. Медлить было нельзя, приходилось идти ва-банк. Я качнулась вперед, и довольно удачно – так, что наши лица оказались вплотную и губы соприкоснулись. Сперва это мало напоминало поцелуй, скорее неловкое столкновение двух катящихся мячей в физкультурном зале, но момент, когда еще можно было отодвинуться и извиниться, пришел и ушел, а поцелуй все длился.

Мы отстранились одновременно и долгую минуту смотрели друг на друга. В глазах Уолтера были удивление и вопрос, который я истолковала так: «Неужели это случилось и мой язык на самом деле только что побывал во рту данной конкретной особы? Можно ли в этом случае полагаться на свои инстинкты и возможен ли – о Боже, сделай так, чтобы я не ошибался! –

возможен ли между нами... секс?» Я прямо-таки всей кожей ощущала, как между нами зарождается и растет благословенное понимание...

Но Уолтер вдруг вскочил, и «благословенное понимание» разлетелось вдребезги. Сначала он просто шагал туда-сюда по комнате, потом остановился передо мной и выставил руки ладонями вперед, как бы защищаясь.

– Я вернулся совсем не за этим!

– Допустим, – буркнула я. – Что дальше?

– Я должен извиниться.

– Как это?! – Глаза у меня полезли на лоб. – За что?!

– Есть за что. – Он еще немного отодвинулся от меня, как от зачумленной. – Знаете, как все это выглядит? Что под влиянием алкоголя я позволил себе с вами лишнего!

Ну вот, именно то, что мне сейчас нужно, – джентльмен до кончиков ногтей. Из моей груди рванулся тяжкий вздох.

– Не вы вернулись. Я вас позвала.

– Это верно, – согласился Уолтер, взвешивая мой довод.

– И я же полезла к вам с поцелуем.

Он досадливо повел плечами и отмахнулся: дескать, какая разница, кто к кому полез, раз уж все равно этим кончилось. Я несколько воспрянула духом. Не так часто в подобной ситуации вам возвращают на блюдечке хоть малую часть чувства собственного достоинства. Поднявшись, я подступила ближе, в надежде, что это поможет склеить разбитое понимание.

– Тогда в чем проблема?

– Ну...

Уолтер смотрел на диван, на журнальный столик, на пол у меня под ногами. Куда угодно, только не в глаза. Я взяла его за подбородок и заставила поднять взгляд. Мы улыбнулись друг другу. Я медленно облизнула губы. Его полуприкрытые веки затрепетали, дыхание самую малость участилось. Я начала расстегивать его рубашку. Рука Уолтера остановила мою как раз в тот момент, когда я боролась с пуговкой «точки невозврата».

– Довольно!

– Отчего же? – прошептала я и притянула его к себе. Он не стал активно сопротивляться, но до поцелуя дело так и не дошло.

– Ванда! – Теперь уже он взял меня за плечи, увы, только для того, чтобы удержать на расстоянии. – Я не хочу.

– Нуда, рассказывай!

Я опустила руку и безо всяких церемоний сграбастала явное свидетельство того, что он не имеет ничего против. Уолтер с громким возгласом отскочил, по-моему, шагов на пять. Поскольку квартирка моя невелика, при этом он налетел спиной на стену и перекошил единственную в моем доме приличную гравюру.

– Я что-то неправильно понимаю, так? – подойдя, процедила я и начала гневно застегивать рубашку. – Придется принести извинения!

– Только не нужно обижаться...

Уолтер сделал попытку взять меня за руку, чего я, понятное дело, не позволила.

– Я не обиделась! Я завелась! – Не сводя с Уолтера свирепого взгляда, я покончила с пуговками, схватила валявшийся на диване пиджачок и стала шарить по карманам в поисках сигарет. – Теперь мое возбуждение находит выход в ярости! Где, черт возьми, эти сигареты?!

– Курить вредно.

– Вы мой адвокат, а не сожитель, так что нечего читать мораль! Сама как-нибудь разберись, что вредно, а что нет!

Сунув сигарету в зубы, я снова принялась шарить по карманам, теперь уже в поисках зажигалки. Я не так много курю, но предпочитаю держать пачку наготове, на всякий случай

– к примеру, на случай жестокого унижения от мужика, которого домогалась. Чтоб они все провалились!

– Ну извините, – примирительно сказал Уолтер. – Вы правы, меня это не касается.

– Можно хоть узнать, в чем дело? – спросила я, яростно жуя сигарету. – Может, вы голубой?

– Вот уж нет! – возмутился он и провел рукой по лбу. – Как неловко все получилось...

– Нет уж, выкладывайте, раз такое дело! – наступала я. – Вы женаты? Не знаете, чего хотите? Пылаете жаждой мести к женщинам? Готовитесь принять монашеский обет? Должна же, черт возьми, быть какая-то причина?!

Тут я наконец нащупала зажигалку и чисто автоматически бросилась к выходу на балкон, потому что всегда курила там. Уолтер вышел следом, прикрыл за нами дверь и ждал, когда я закурю.

– Ничего из того, что вы перечислили, – наконец заговорил он вполголоса. – Просто это было... слишком внезапно.

– Внезапно. Ага. Понимаю.

Мы помолчали, наблюдая за тем, как голубая струйка дыма завивается в воздухе в кольца, а потом тает, исчезая. Живу я, конечно, далеко не в лучшей части города, но вид с балкона открывается великолепный. Мукомольный завод, как обычно, дымил вовсю, и над ним стелилось белесое марево, похожее на дымку перламутрового тумана. Казалось, что под его пологом дремлет сказочный город, безупречно чистый, хрупкий и бесконечно прекрасный.

Молчание длилось до тех пор, пока почти догорела сигарета.

– Значит, судебный иск отменяется?

– Отменяется.

– Ну и хорошо.

Уолтер шагнул к двери. Остановился. Снова шагнул и снова помедлил. Я ждала, опустошенная и безразличная.

– Знаете, я ведь...

И все. Я так и не узнала, что «ведь», потому что Уолтер вышел, не сказав больше ни слова.

Глава 3

Всю следующую неделю мы провели втроем: я, телевизор и Альберт – бутылка шотландского виски марки «Шивас ригал». Вообще-то я опустошила несколько бутылок, но каждую называла Альбертом (если такой приемчик сработал с хозяевами Лесси, почему бы ему не сработать со мной?).

Короче, я накачивалась виски и тарасилась в телевизор. Упорно наблюдая новости на «Фокс ньюс», я чуть было не влилась в ряды республиканцев. Переключившись на Си-эн-эн, чуть не пополнила собой ряды идиотов и сочла за лучшее скакать с канала на канал, перемежая сценки из жизни животных калейдоскопом заморской экзотики.

В пятницу, взглянув в зеркало, я пришла в ужас. Вот почему столько книг написано о том, что нельзя подолгу оставаться в полутемном замкнутом помещении, а главное, пить там в одиночку много дней подряд! Из зеркала на меня смотрело жуткое создание с тупыми, налитыми кровью глазами и желтой, как старый пергамент, кожей.

Даже огородное пугало выглядит симпатичнее.

В тот же день мне позвонила Фей Уиттл. Душка-милашка Фей с ее вечным «мне так жаль, так жаль, что тебя чуть не разнесло на куски» и «как печально лишиться тебя последних грошей теперь, когда ты без работы». Ну не то чтобы совсем уж дословно, но в этом роде. Звонок не из тех, что лечат от депрессии.

– Мне не удалось выручить ту сумму, на которую я надеялась!

Я почти слышала скрежет ее «Паркера» во время подписания бумаг в домике на пляже.

– Я вполне здорова, Фей. Спасибо, что позвонила. Спихватившись, она исторгла из груди вздох сочувствия, но продолжала гнуть свое:

– Адвокаты дорого обходятся, Ванда, ты сама знаешь. После всех выплат я, можно сказать, остаюсь на нуле.

– Значит, мне причитается половина этого нуля.

– Но, Ванда! – Фей нервно хохотнула. – Ты ведь это не всерьез, да? Какая половина? Вспомни, ведь на воздух взлетел мой бизнес, дело моей жизни!

– Вместе с моей задницей. А ты, между прочим, в это время прохлаждалась в ближайшем баре с молочным коктейлем в руке.

Эту маленькую деталь я выяснила совсем недавно и сторала от желания бросить Фей в лицо. Ради такого можно поступиться и причитающимися деньгами.

– Я не прохлаждалась! – взвизгнула она. – Я разменивала деньги! У меня не было мелочи на звонок в газовую компанию!

Я бросила трубку, немного поразмыслила и отключила связь на распределительном щитке. В ушах, словно по заказу, тут же зазвучала проклятая мелодия, но я сделала телевизор погромче и пошла на кухню – смотреть в распахнутый холодильник, что обычно делала в семь часов вечера.

Неделя была кошмарная. Не в настроении готовить и даже сервировать, я ела преимущественно из банок и упаковок прямо на ходу, так что теперь холодильник мог похвастаться только остатками клюквенного морса и баночкой оливок с анчоусами, которые непонятно откуда там взялись (я решительно не помнила, чтобы их покупала). «Покажи мне свои запасы продуктов – и я скажу, кто ты». На данный момент обо мне просто нечего было сказать.

Время, проведенное перед опустошенным холодильником, странным образом всколыхнуло мою память. К примеру, я вспомнила Дебби Мэйн, соседку по общежитию с первого курса, которая умела найти положительный момент абсолютно во всем. Думаю, она бы сказала, что пустые полки – добрый знак. Так сказать, чистая доска, и в моей власти вывести на ней новые письма, дать жизни новый толчок, отоварившись продуктами лучшего качества,

известных марок и за более высокую цену – то есть переоценить ценности. Что-нибудь в этом роде.

Я представила, как с широченной улыбкой покупаю авокадо и карамболу... и возненавидела Дебби всеми фибрами души.

Вообще-то я и раньше ее ненавидела, но втайне, а в общении с ней была неизменно дружелюбной. Иначе было просто невозможно. Грубить таким людям – все равно что пинать папу римского. Однако необходимость долгое время терпеть присутствие Дебби, слушать ее и говорить с ней оставила след в моей ранимой душе. Что-то вроде неизлечимого солнечного ожога.

Помнится, когда Майк Бенедетто дал мне отставку и при этом еще хотел одолжить мою машину, чтобы взять Мэри Энн Шили на банкет своего институтского «братства», я впала в глубокую депрессию. Дебби неотлучно находилась при мне, гладила по голове, подсовывала печенье и долдонила о том, что депрессия имеет свои преимущества: это дно, с которого непременно начинается путь наверх, к свету и радости. Не будь депрессии, нам не с чем было бы сравнивать и жизнь казалась бы серой.

«Невозможно по-настоящему оценить солнечный свет, если не знаешь, что такое крошечная тьма», – вещала она, а я лежала, жевала печенье и тихо ее ненавидела, возможно, именно потому, что в ней просто нечего было ненавидеть. Внешне она была хорошенькая, в общении ровная, в поступках рассудительная. Изучала систему йогов. Дала обет не вступать в интимные отношения до брака и, по-моему, никогда даже не чувствовала искушения его нарушить. Иными словами, это была милая чудачка.

По самым последним сведениям, Дебби жила теперь в пасторальном предместье Сиракьюса, штат Нью-Йорк, глубоко полноценной жизнью: домохозяйки, супруги во всех отношениях приятного и преуспевающего человека; матери двух здоровых мальчишек. Слушая общих знакомых, я улыбалась и ахала, но в душе знала, что так не бывает. Наверняка где-нибудь в углу комода у нее припрятаны наркотики, а когда дети в школе, а муж на работе, она развлекается с садовником. Разумеется, это очень некрасиво с моей стороны, но так хоть можно жить дальше.

И вот теперь, сидя на полу перед телевизором и баюкая в объятиях бутылку виски, я думала о Дебби с каким-то новым чувством. В мою нетрезвую голову впервые пришло, что Дебби может быть счастлива в полном смысле этого слова, что ей удалось то, к чему впустую стремится столько людей, что она как-то сумела вычислить формулу удачи и успеха и теперь пребывала там, куда мне и таким, как я, не удалось достучаться. Что она на коне. И никогда не выпадет из седла, не может выпасть в принципе.

Значит, оно возможно, возвышенное и прекрасное чувство принадлежности к миру счастья и добра, и существуют некие пути в этот мир – в мир, о котором твердят Опра и ей подобные!

Но тут на выбранном канале началось ток-шоу о людях, жизнь которых зашла в тупик, и я опять вспомнила, что есть только один мир – мрачная дыра, доверху набитая всевозможным дерьмом.

В субботу рано утром в дверь начали ломиться.

Это и в самом деле была несусветная рань для выходного дня. Восемь часов утра.

– Ванда!

Дверь несколько заглушала голос, но он все равно был мне слышен, так как на этот раз я отрубилась на коврик в прихожей.

– Ванда!

Дзинннь. Дзинннь. Бум-бум-бум.

– Да ну вас всех к такой-то матери... – пробормотала я в коврик, однако стук продолжался и, между прочим, отдавался у меня в голове ударами кузнечного молота. Повисая на дверной ручке, я кое-как поднялась на ноги и приложила к «глазку».

Уолтер. Самое время.

Я отперла дверь, предварительно накинув цепочку, и вставила физиономию в десятисантиметровую щель.

– Ну чего-о?!.. – простонала я.

– Вы не поднимали трубку, – сказал Уолтер. Голос у него был встревоженный, вид... не могу сказать: глаза у меня наотрез отказывались открываться.

– Со мной все в порядке.

После короткой паузы послышалось резкое:

– Открой эту чертову дверь!

Одна из выгод политкорректности состоит в том, что можно добиваться поразительных результатов, время от времени переходя на грубость. Я грублю слишком часто, поэтому у меня этот фокус не срабатывает. В случае же с Уолтером он сработал магически: я тут же сняла цепочку, отворила дверь и отступила в сторону, давая дорогу. Он быстрее молнии влетел в квартиру, схватил меня за плечи и внимательно оглядел:

– И это ты называешь «все в порядке»? Даты похожа на черта!

– Спасибо, ты очень любезен... – Я потащила на кухню, мешком осела на табурет и прижалась щекой к прохладной поверхности стола. – А вообще, какого черта тебе здесь надо?..

– Ты не поднимала трубку.

– Нечего было звонить! – прокаркала я, как простуженная ворона.

В горле царила сушь, похлещи, чем в иной пустыне. Проклятый Альберт выжал меня, как лимон.

Уолтер выключил на кухне свет и распахнул окно.

– Зачем это?

– Здесь не слишком приятно пахнет.

– Это от меня, – мрачно съязвила я. – Я не мылась пять дней.

После короткого молчания меня сграбастали в охапку и грубо поволокли – иначе не скажешь. Опомнилась я под душем, между прочим, под ледяным. Я оказалась там как была, то есть в пижаме.

– Мойся! – приказал Уолтер. – Я подожду в гостиной.

Пока мылась, я ругала его на чем свет стоит, но когда процесс подошел к концу, была уже в состоянии оценить прелесть прикосновения чистой одежды к свежeweымытой коже. И не просто оценить. Я себя чувствовала заново рожденной, как христианин после крещения.

В гостиной было отчасти прибрано и витал запах кофе. Уолтер пристраивал в моечной машине последнюю тарелку. Из раковины не только исчезла гора грязной посуды – сама раковина оказалась до блеска вычищенной.

– Спасибо...

Я сказала это так тихо, что усомнилась, достигла ли моя благодарность цели, однако Уолтер ответил легким кивком. Прошелся по столешнице губкой, потом бумажным полотенцем. Разлил кофе по кружкам и подтолкнул одну ко мне. Придвинув табурет к столу, я уселась. Воцарилось молчание и длилось так долго, что я начала изобретать какое-нибудь пустенькое замечание, просто чтобы вступить в разговор.

– Я потерял жену...

От неожиданности я чуть не свалилась с табурета. Попробовала поймать взгляд Уолтера, но тот упорно смотрел в кружку.

– То есть?

Моим первым осознанным чувством был стыд, и именно поэтому я приготовилась изобразить бурное негодование. Всю свою взрослую жизнь я до смерти боялась связаться с женатым и разбить семью. И вот, кажется, свершилось. А главное, некого винить, кроме себя самой, – Уолтер сопротивлялся до последнего.

Я открыла рот, собираясь швырнуть ему в лицо гневные обвинения, но, к счастью, не успела ничего сказать.

– Это случилось восемь лет назад. Ее сбила машина – по нелепой случайности, – когда она шла на почту за каким-то заказным письмом.

Голос заметно дрогнул. До меня медленно, с натугой начало доходить. Сердце упало, стыд сменился состраданием.

– Она была в коме восемь месяцев. – Уолтер поднял на меня бесстрастный взгляд. – Я не вылезал из больницы, сидел у ее постели днем и ночью. Доктора уверяли, что шансов никаких. Чтобы отключить систему жизнеобеспечения, нужно согласие родных. Восемь месяцев... столько мне потребовалось, чтобы принять решение, а потом не было дня, чтобы я о нем не жалел.

Горло перехватило, чему я была только рада. Что можно сказать на такое? «Мне очень жаль» или «Блин, вот дерьмо-то»? Это тот случай, когда любой вариант неуместен. Мое сострадание нужно было Уолтеру, как прошлогодний снег. Да и я сама тоже.

– Я не солгал, когда сказал, что мой клиент лежал в Хейстингской больнице одновременно с тобой. И, проходя мимо твоей палаты, я увидел... – он отпил кофе и беззвучно поставил кружку на стол, – увидел, что ты совсем одна.

Я промолчала, зная, что позорно разревусь, стоит только открыть рот. В коме, и никого у постели – вот уж действительно душераздирающее зрелище! Выходит, он меня просто пожалел. Загадка разрешилась, но, ей-богу, уж лучше бы Уолтер Бриггс оказался извращенцем, который шастает по палатам в поисках возможности облапать бесчувственное тело. Во всяком случае, это было бы не так мучительно для меня.

– Ее звали Мэгги.

Уолтер ловил мой взгляд, но теперь уже я занималась упорным изучением содержимого своей кружки и жалела, что кружка слишком мала для того, чтобы в ней можно было утопиться.

– Ванда! Не думай, что я пришел поплакаться тебе в жилетку, и не сочти меня слабаком, который не способен оправиться от потери близкого человека. Все дело в том, что я совершил ошибку, а за ошибки приходится платить.

О чем это он? О какой ошибке? Что вообще со мной связался? Что сидел со мной в ресторане? Или что целовался со мной? А может, все, вместе взятое?

– Жизнь – это вечное крушение наших надежд... – прошептала я и передернулась от неуместного пафоса этого заявления.

Уолтер пожал плечами и слегка улыбнулся. Сочувственно так. Как видно, решил, что из нас двоих я куда больше заслуживаю жалости. А может, он с самого начала жалел меня. Быть объектом жалости мужика в расцвете сил! Лучше уж сыграть в ящик.

Он вдруг протянул руку. Я не отодвинулась, просто физически не могла. К моей щеке прижалась ладонь – теплая, мягкая, живая. И буквально излучающая энергию.

– Жизнь – это то, что мы сами из нее делаем.

С этим он ушел.

Минут двадцать я сидела, глядя перед собой, потом бросилась в ближайший бар – купить молочный коктейль и газету с объявлениями.

С шумом потягивая через соломинку коктейль, я водила тупым концом красного фломастера по строчкам раздела вакансий. Сборочный цех «Мазда» искал контролера в отдел запчастей. Я заключила это в красный овал. В зубокабинет требовалась ассистентка. Я обвела и это. Я даже обвела «посредника для продажи «новы» 73-го года выпуска», но тут же сообразила, что не потяну.

Мысли мои блуждали, но все время возвращались к Уолтеру Бриггсу. Я не могла забыть выражения его лица в тот момент, когда он говорил о жене. Нетрудно было представить его склонившимся над ее неподвижным телом в больничной палате. Я вообразила себе день их

венчания: белое платье, свадебный торт, счастливые лица. Как каждая история с трагическим концом, история их жизни теперь представлялась сказочной, безупречной. Мое воображение наделило эту пару всеми возможными достоинствами, и я убедила себя, что никто никогда не любил друг друга так беззаветно, как Уолтер и Мэгги, никто не был так привязан друг к другу и не жил в такой полной гармонии, как они. Разумеется, это было не так. Скорее всего он вечно забывал вынести мусор, и это ее невыносимо раздражало, а она... Ну, скажем, она обожала поп-корн и потом ковыряла в зубах, за что он ее просто ненавидел...

Я заставила себя вернуться к объявлениям и просмотреть все сначала, уже как следует. Фломастер снова заскользил по строчкам, готовый заключить в красный овал вакансию, которая была бы просто создана для меня.

«Делай хоть что-нибудь стоящее».

И только. Вот такое было объявление.

Я уставилась на него с разинутым ртом. «Делай хоть что-нибудь стоящее».

Кровь бросилась мне в голову. Кто бы он ни был, этот тип, он слишком о себе возомнил! «Делай хоть что-нибудь стоящее», ишь ты! В смысле, кто ничего стоящего не делает, тот может удавиться, так, что ли? А что, позвольте спросить, понимать под этим самым «стоящее»? Работу вообще? А если потерял работу, ты уже никому на фиг не нужен? Тебе нет места под солнцем? Ну и отлично! Как раз то, что требуется выброшенному за борт, – чтобы в него тыкал пальцем какой-то надутый ублодок, высмеивая его с помощью идиотских объявлений в долбанных газетенках!

– Значит, делать хоть что-нибудь стоящее, да, гад ползучий? – процедила я, трясась от ярости. – Я тебе покажу «стоящее»! Я тебе плюну в рожу! Надеюсь, это достаточно стоящий поступок для такого уroda, как ты?

– «Хейстингс дейли репортер», отдел объявлений, у телефона Дженнифер. У вас есть уникальная возможность: первая неделя – четыре строчки всего за четыре доллара! Вас это интересует?

– Нет, спасибо, меня интересует совсем другое. В последнем выпуске, в разделе вакансий, было одно объявление... короче, мне нужно знать, кто его поместил.

Я заметила, что говорю не совсем внятно, и сообразила, что сжимаю зубами колпачок от фломастера. Выплюнула. Колпачок удачно отскочил от стола и приземлился в раковине.

– А что, в объявлении это не указано?

– Нет.

– Тогда там должен быть телефон.

– И телефона нет.

– Очень странно. Зачем же тогда было помещать?

Дженнифер не говорила, а вещала, как-то свойственно красивым южанкам. Я представила ее себе – высокую, стройную и белокожую, с волнистыми рыжими волосами, которые без всякого ущерба для внешности можно завязать в хвост на затылке. Таких я ненавидела просто из принципа.

– Вот именно. И, тем не менее, тут нет ни адреса, ни номера, ни чего-то еще. Совершенно не за что зацепиться. Всего пять слов: «Делай хоть что-нибудь стоящее». – Я шумно втянула в себя коктейль.

– Вы нашли это в разделе вакансий? – с сомнением уточнила Дженнифер.

– Да. И хочу подать жалобу.

– Жалобу? Но почему? Мне, например, это объявление очень нравится.

– Потому что у вас есть работа.

Это заткнуло Дженнифер на добрых полминуты.

– Так кому и как я могу подать жалобу? Есть у вас контроль за печатной информацией или что-то в этом роде? Кто-нибудь может разыскать этого мерзкого ублюдка и дать ему по шее от моего имени?

– Боюсь, что нет. В смысле, контроль у нас имеется, но подавать жалобу нет смысла. Мы мало что можем в тех случаях, когда объявление вызывает нарекания. Поместили – значит, поместили. И потом, это может быть даже не объявление, а лозунг. Знаете, как на плакатах: «Ведите здоровый образ жизни». Мы же не обижаемся на лозунги, правда? Они нас вдохновляют!

Пока Дженнифер вещала, я с трудом подавляла «скрежет зубовой».

– Значит, жалоба отменяется... – Я постучала фломастером по столу. – Могу я по крайней мере поместить объявление?

– Сколько угодно! Четыре строчки всего за четыре доллара.

– Отлично. Записывайте: «"Стоящему". Что это ты о себе возомнил, умник? Ванда требует ответа. 555-8936».

Пару минут слышалось кликанье клавиатуры, потом Дженнифер прочитала напечатанное.

– А теперь, пожалуйста, номер вашей кредитной карты.

– Сейчас. – Я схватилась за сумочку.

– С вас пятьдесят шесть долларов.

– Что?! – Сумочка чуть не вылетела у меня из рук. – Каких еще пятьдесят шесть? А как же насчет четырех долларов за четыре строчки?

– Это только за первую неделю, а объявление обычно работает месяц. Это еще три недели, каждая из которых стоит дороже.

– Ну, знаете! Ни стыда у вас, ни совести!

– Так как насчет кредитной карты? Она у вас вообще-то имеется?

– Имеется, но не для таких кровопусканий!

– Ладно, – сказала Дженнифер со вздохом. – Вот как мы поступим: я постараюсь уложиться в две строчки – ну, вы знаете, мелким шрифтом и поменьше пробелов – и запущу ваше объявление всего на две недели. Двадцать два доллара вам по силам?

Я уставилась на мерзкий лозунг. «Делай хоть что-нибудь стоящее». Неужто я в самом деле настолько вне себя от ярости, чтобы выложить за ответный выпад двадцать два доллара? Так ли уж мне необходимо устроить этому типу словесную порку? Что я, в самом деле, настолько озлоблена на весь мир, чтобы тратить время на крысиные бега?

Да, я такая!

– Вот вам номер моей карты, пишите!

В положении безработного есть одна очень неприятная сторона: он изнемогает от скуки и при этом слишком подавлен, чтобы чем-то заняться. Я могла бы провести время с большей пользой. Добровольцы всегда нарасхват. Можно помогать тем же безработным, бездомным, беспардонным или бессовестным – да мало ли кому! Вместо этого я торчала у телевизора, просиживая диван, обзаводясь складками на заду и боках, перескакивала с одного канала на другой и накапливала бессмысленную информацию, причем на повышенном уровне громкости, чтобы заглушить музыку в голове. И ждала. Ждала, когда смогу нанести удар.

«Жизнь – это вечное крушение наших надежд».

Я вздрагивала от стыда, когда вспоминала этот момент, каждый раз заново осознавая, что Уолтер меня просто пожалел. А ведь я больше всего ненавидела именно жалость. Вот уж никогда не думала, что опущусь до того, чтобы меня жалели. И конечно, даже в самом страшном сне мне не могло привидеться, что жалеть будет интересный мужчина.

Мне следовало встряхнуться, позвонить в сборочный цех машин «Мазда» и так ловко преподнести себя, чтобы за меня ухватились обеими руками. Чтобы иметь возможность пока-

зять миру нос. Увы, одна мысль о том, что предстоит рыться в накладных и фактурах, повергала меня в глубокую депрессию.

Итак, я все глубже погружалась в пучину опасного безделья, болталась между ненавистью и презрением и в конце концов начала верить, что в мире не существует ничего, кроме черно-белой Люси, Кусто, в его шапочке и ребят из телешопинга с их назойливыми попытками всучить всевозможное барахло, «без которого вы никак не можете обойтись».

Телефон зазвонил в один из тех дней, когда я больше ненавидела все на свете, чем презирала. Поскольку молчал он уже давно, я схватилась за него, как утопающий за соломинку, не заботясь о том, кто окажется на проводе. По крайней мере мне предстояло услышать живого человека.

– Я звоню по объявлению, – сказал тихий, кроткий, усталый голос, едва слышный за воплями очередного телепродавца.

Я поскорее выключила звук.

– По объявлению? Это по какому?

Я обшарила закоулки памяти и не обнаружила там ничего подходящего к случаю – память у меня была, прямо скажем, коротковата еще и до близкого знакомства с Альбертом.

– По вашему объявлению. Я Лаура.

Лаура. По голосу я представила ее себе замкнутой и печальной. О чем же, в конце концов, речь? Ах да, ответный выпад!

– Как, это сделали вы?

Меня сбило с толку то, что Лаура сразу не пошла в атаку. Мне казалось, с этого и начнется. Разве тот, кто оперирует такими лозунгами, не должен быть по натуре агрессивен? Не должен полагать, что все знает лучше других? А эта женщина казалась такой же одинокой, как и я, и в состоянии той же отчаянной потребности пообщаться хоть с кем-то. И возможно, хоть ненадолго дать отставку своему Альберту.

– Простите? – прозвучало в трубке, и это было не столько извинение, сколько вопрос.

Сейчас начнет вещать, как Дженнифер. Чертовы южанки! Красотки с роскошными шевелюрами, которые не теряют вида даже во сне.

Увы, я уже не могла как следует рассердиться. По правде сказать, все, что мне было нужно, – это услышать «простите».

Я это получила. Хорошо бы еще оставить за собой последнее слово.

– Знаете что, Лаура? Забудем эту историю. Просто в следующий раз, когда вам в голову взбредет что-нибудь подобное, не спешите помещать объявление.

Я забросила телефон в угол, на кучу снятого с постели грязного белья, и включила звук телевизора громче прежнего. Сеанс телешопинга закончился, началась реклама краски для волос, мгновенно действующей методом распыления. Мир становился все более опасным местом для идиотов со свободными деньгами.

...Я в рыбацкой лодке вместе с тремя детишками и поросенком – никто из них не имеет ко мне отношения, но все явно ждут от меня каких-то действий. На мне платье, которое я надевала на выпускной бал, и роскошные черные туфельки почти сплошь из ремешков. Я принимаюсь истово грести, чтобы спасти наши пять жизней, но хотя берег буквально в двух шагах, он почему-то не приближается.

Я пытаюсь дотянуться до берега веслом. Его длины не хватает совсем чуть-чуть, и тем не менее попытка не удается. Поросенок тычется пяточком в ребенка и, судя по крикам того, кусается. А потом вдруг все они исчезают, к моему великому облегчению. Рядом сидит теперь Брюс Уиллис. Строго говоря, не сам Брюс, а тот, кого он играл в «Агентстве "Лунный свет"», – Во всем мире не найдется мужика аппетитнее!

Понятное дело, я перестаю рваться вон из лодки.

– Кыш! – говорит Дэвид.

– Это как? – спрашиваю я жалобно.

Дэвид возводит глаза к небу. Он заметно возмущен моим присутствием. Его возмущение заразительно. Я требую свою долю простых житейских удовольствий – например, мужской галантности. Но этот тип и не думает изображать джентльмена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.